

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
16 августа 2025 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Черныш Михаил Федорович

член-корреспондент РАН,
доктор социологических наук,
научный руководитель Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН)

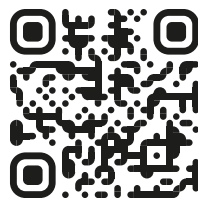
Епихина Юлия Борисовна

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН)

Стрельникова Анна Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры методов сбора
и анализа социологической информации
НИУ «Высшая школа экономики»,
старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Социальная структура и дифференциация российского общества

Материалы заседания 16 августа 2025 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2026

УДК 316.34(470+571)(063)
ББК 60.524.4(2Рос)я431+60.54(Рос)-44я431
С69

Социальная структура и дифференциация российского общества : материалы заседания 16 августа 2025 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 187 с. – ISBN 978-5-6056500-5-8

Сборник содержит материалы, в которых тема социальной структуры и дифференциации российского общества рассматривается с учетом трех разных аспектов на основе социологических исследований.

Читатель узнает о том, что представляет собой средний класс в России и каковы критерии отнесения к среднему классу, которые с учетом различных методик неоднозначны.

Несомненный интерес представляют результаты исследования религиозности жителей России, а также данные, свидетельствующие о социальной мобильности россиян, их перемещениях внутри страны и возможности выезжать за ее пределы.

УДК 316.34(470+571)(063)
ББК 60.524.4(2Рос)я431+60.54(Рос)-44я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6056500-5-8

© Тосунян Г.А., составление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	9

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А.	12
---------------------------	-----------

Доклад 1 чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	23
---------------------------------------	-----------

ВОЗМОЖНО ЛИ В РОССИИ «ОБЩЕСТВО СРЕДНЕГО КЛАССА»?

чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	41
проф. ГРИФЦОВА И.Н. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	43
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	46
к. э. н. САРКИСЯН Т.С. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	48
д. ю. н. КОЛОСОВА Н.М. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	52
акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	54
д. э. н., проф. БОБКОВ В.Н.	56
д. филос. н. ШЕВЧЕНКО В.Н.	60
чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т.	68
д. социол. н. БЕЛЯЕВА Л.С.	72
акад. НИГМАТУЛИН Р.И.	77
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А.	81
д. э. н., проф. КАЛАШНИКОВ С.В.	83
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	85
акад. ТОСУНЯН Г.А.	87

Доклад 2 к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 92

**СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ВЕРОВАНИЙ РОССИЯН:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 1998 И 2024 ГОДОВ**

**чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. –
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 105**

**к. филос. н. ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И. –
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 107**

**чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. –
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 110**

акад. УГРЮМОВ М.В. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 114

проф. ГРИФЦОВА И.Н. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 116

**к. ю. н. ТОРШИН А.П., к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.,
акад. УГРЮМОВ М.В. 118**

акад. ТОСУНЯН Г.А. 121

Доклад 3 к. социол. н. СТРЕЛЬНИКОВА А.В. 125

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕЕЗДОВ:
ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕНА И НА ЧТО ВЛИЯЕТ
«ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ» У РОССИЯН**

**к. э. н. САРКИСЯН Т.С. –
к. социол. н. СТРЕЛЬНИКОВА А.В. 138**

**к. филос. н. ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И. –
к. социол. н. СТРЕЛЬНИКОВА А.В. 140**

акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. ТОСУНЯН Г.А. 145

**чл.-корр. ЕЛИСЕЕВА И.И. –
к. социол. н. СТРЕЛЬНИКОВА А.В. 147**

МОСКОВКИН Л.И. 150

к. э. н. КЛЕПАЧ А.Н. 151

акад. АГАНБЕГЯН А.Г. 154

к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – акад. ТОСУНЯН Г.А. 157

к. филос. н. ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И.	158
--------------------------------------	------------

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	164
------------------------------	------------

к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.	169
-----------------------------------	------------

к. социол. н. СТРЕЛЬНИКОВА А.В.	170
--	------------

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	171
----------------------------	------------

акад. ТОСУНЯН Г.А.	178
---------------------------	------------

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП и «Открытых дискуссий» президента АРБ	179
--	------------

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководитель Ин-
ститута философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспективных
исследований национальной безопасности России
Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации россий-
ских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследователь-
ского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института систем-
ного программирования им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и ин-
тервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина
(филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава
России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник от-
дела методологических и междисциплинарных
проблем развития науки Института истории есте-
ствознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секре-
таря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всерос-
сийского НИИ авиационных материалов

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический уни-
верситет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Инсти-
тута экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя Общероссийской
общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИНП РАН, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления МГУ им. М.В. Ломоносова

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЬМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**,
- о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились. Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих

завтраках», и на заседаниях института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 154 «Рабочих завтрака у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 13 лет состоялось 95 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Приветствую вас на совместном заседании Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое проходит при поддержке Ассоциации российских банков.

Для участия зарегистрировались более 130 человек, из них 50 представителей науки и вузов, в том числе 15 членов РАН.

На заседании присутствуют также банкиры, государственные и общественные деятели, эксперты.

Тема нашего заседания – «Социальная структура и дифференциация российского общества».

Мы рассмотрим экономический срез. Обсудим, возможно ли в России общество среднего класса, хотя, в принципе, это уже риторический вопрос.

Рассмотрим демографический и территориальный срезы, имея в виду социальный контекст переездов внутри страны.

Тема вроде бы практическая и имеет очень серьезные социальные проекции.

Представляю докладчиков и повестку дня.

1. Возможно ли в России «общество среднего класса»?

Докладчик – **Черныш Михаил Федорович**,

– член-корреспондент РАН,

– доктор социологических наук,

– научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

2. Структура и динамика верований россиян: сравнительный анализ 1998 и 2024 годов.

Докладчик – **Епихина Юлия Борисовна**,

– кандидат социологических наук,
– ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

3. Социальный контекст переездов: чем обусловлена и на что влияет «охота к перемене мест» у россиян.

Докладчик – **Стрельникова Анна Владимировна**,

– кандидат социологических наук,
– доцент Высшей школы экономики,
– старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Дополнительно к докладу М.Ф. Черныша по вопросу среднего класса записались выступить:

Бобков Вячеслав Николаевич,

– доктор экономических наук, профессор,
– директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Плеханова,
– заведующий сектором Института экономики РАН,
– президент Всероссийского центра уровня жизни.

Вячеслав Николаевич выступал на заседании НКС ООН РАН в феврале 2023 года по теме «Безусловный базовый доход: шанс для России».

Шевченко Владимир Николаевич,

– доктор философских наук,
– главный научный сотрудник Института философии РАН

Владимир Николаевич выступал в сентябре 2024 года по теме «Цивилизационное своеобразие России как философская основа для достижения или разработки общественного договора».

Я позволю себе сделать вступительный комментарий к каждому из докладов. Начну с первой темы.

Наиболее существенные причины дифференциации и расслоения общества лежат, с моей точки зрения, в экономической плоскости.

Понятие «средний класс» появилось в эпоху становления капитализма.

Но его истоки можно проследить в более ранних обществах, где было деление и на страты, и на касты, и на соответствующие отдельные сегменты.

Сегодня понятие «средний класс» является одним из значимых, важных для анализа социальной структуры общества.

Однако при этом само понятие и его сущность остаются дискуссионными. Мы по-разному понимаем этот термин.

С одной стороны, это общеупотребительное и даже слишком часто употребляемое понятие.

Говоря о среднем классе, довольно часто имеют в виду, условно, ту часть населения, которая позиционируется между богатыми и бедными, то есть не относится к «крайним» частям функции распределения общества по материальному показателю.

Но любое общество – не утопическое, а реально существующее – предполагает наличие неравенства.

Это воспринимается всеми как неизбежность.

Вряд ли это преодолимо. Весь вопрос только в мере этого неравенства.

Разница в доходах богатых и бедных, конечно, тоже неизбежна. И всегда будет часть населения, которую можно отнести к среднему классу.

Имею в виду, что этот аспект распределения и есть середина, наиболее значимая по количеству и по влиянию.

По этому поводу есть разные остроумные высказывания.

Например, одно из них: «Если вас нет в списке “Forbs” и нет в списке должников за коммунальные услуги, значит, вы – средний класс». Можно и так считать.

Или бытует также другое остроумное сопоставление, что средний класс находится между двумя крайностями. Между отказом в ипотеке из-за низкого дохода и отказом в социальном пособии из-за высокого дохода.

Так на обывательском уровне воспринимается понятие «средний класс».

А как наука интерпретирует это понятие, если отказаться от обывательских аллегорий и оперировать социологическими показателями, мы попробуем понять сегодня.

В частности, возможно ли универсальное определение среднего класса?

Возможны ли четкие критерии отнесения к среднему классу?

Какие показатели брать за основу?

Абсолютные, то есть определенную величину дохода, или относительные – доход в каких-то границах от медианного по стране?

Можно ли сравнивать, например, средний класс в России и, допустим, в Японии или Конго?

Как учитывать экономические, национальные, культурные различия?

Является ли средний класс объективно существующей социальной группой? Или это конструкт для общественно-политических умозрительных дискуссий?

Таких вопросов множество.

Я склонен считать, что средний класс – это не просто статистические группы.

Это действительно очень важный индикатор, который в том числе определяет уровень стабильности развития общества.

На этом я хотел бы сделать особый акцент.

От среднего класса, особенно в развитом цивилизованном обществе, очень многое зависит и с точки зрения уровня его развития, и с точки зрения обеспечения стабильности.

Вопрос среднего класса тесно связан с вопросами расслоения и социального неравенства в обществе.

И в каком-то смысле это противопоставление чрезмерному расслоению и неравенству.

Если слой среднего класса широкий, можно рассчитывать, что и уровень расслоения будет пропорционально стремиться к минимуму.

Хотя с этим утверждением можно и поспорить.

«Толщина», если можно так выразиться, среднего слоя в социальной структуре общества косвенно указывает на благополучие населения и стабильный рост экономики.

Людям этот рост дает шанс на повышение покупательной способности и обеспечение соответствующего уровня жизни. А стране в целом – социально-экономическую стабильность, о чем я уже говорил.

И наоборот, когда неравенство достигает критических масштабов, оно чревато различными социальными катаклизмами и представляет реальный риск для устойчивости государства.

Именно поэтому эта тема очень важна и с практической точки зрения, и с точки зрения подготовки рекомендаций для властных структур.

То есть мы обсуждаем это не просто из нашего любопытства.

На самом деле нам, ученым, экспертам, это не просто интересно. Мы очень многое можем подсказать, предложить. Правда, если нас захотят слушать.

Месяц назад на заседание президиума нашего отделения совершенно неожиданно пришел президент Академии наук. Он обратился с определенным запросом – дать наши рекомендации не только по экономическим, но и по социальным вопросам, потому что в этом сегодня нуждается руководство страны.

Мы с вами эти темы неоднократно затрагивали.

Напомню, что два года назад мы проводили заседание по теме социального неравенства и выпустили сборник по итогам этого заседания¹.

И коль речь зашла о сборниках, могу также сказать, что за последнее время их вышло несколько:

– «Цивилизация – что это?»²,

¹ [Социальное неравенство \(10.06.2023\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.](#)

² [Цивилизация. Что это? \(25.05.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.](#)

- «Малый и средний бизнес»³,
- «Философия в современном мире»⁴,
- «Жизнь и смерть»⁵,
- «Банки и конкуренция»⁶,
- «Жилая недвижимость»⁷,
- «Общественный договор»⁸,
- переиздан сборник «Мозговая активность»⁹.

Продолжим по теме.

Очевидно, что существует большой разброс представлений о том, кого относить к среднему классу. Это интересно в первую очередь в контексте нашей страны.

Есть цифра, озвученная главой государства.

Пять лет назад, в 2020 году, президент страны заявил, что к среднему классу относится 70% россиян.

Если опираться на методику Всемирного банка, это люди с доходами в полтора раза выше МРОТ.

Тогда МРОТ составлял около 17 тысяч рублей в месяц. Если обновить подсчеты согласно последней статистике 2024 года, то средний класс составляет у нас все те же 70% населения.

³ [Малый и средний бизнес \(02.03.2025\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.](#)

⁴ [Философия в современном мире \(16.11.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.](#)

⁵ [Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид \(21.09.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.](#)

⁶ [Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» \(19.09.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.](#)

⁷ [Жилая недвижимость \(27.07.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.](#)

⁸ [Общественный договор \(07.09.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.](#)

⁹ [Мозговая активность в пожилом возрасте \(паркинсон, альцгеймер, деменция\) \(06.04.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.](#)

Правда, в этих рассуждениях за скобками остается или просто забывается, что само понятие среднего класса подразумевает возможность удовлетворять широкий круг материальных и социальных потребностей.

Не минимальный, а именно широкий круг потребностей, включая и духовные, способный обеспечить достойное существование.

Поэтому странно относить к среднему классу людей с доходами, сопоставимыми с минимальным размером оплаты труда, который обеспечивает лишь физическое выживание.

Так точнее было бы обозначать не средний класс, а границы бедности и слой, который находится чуть выше этой границы.

Очевидно, что уровень дохода необходимо сопоставлять с возможностями потребления.

Если следовать критериям Всемирного банка, то представители среднего класса должны иметь достаточно высокий уровень потребления.

В частности, это возможность покупать товары высокого качества, включая автомобили.

Это и доступ к высшему образованию, в том числе зарубежному, то есть право выбора.

Наличие сбережений, позволяющих покрывать непредвиденные расходы.

Есть методика ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), и она более распространена в мире. Она относит к среднему классу тех, чей доход составляет 75–200% медианного по стране.

Мне кажется, это более логично.

Согласно такой статистике, по итогам прошлого года около 40% россиян можно причислить к среднему классу. Кстати, это неплохой показатель, если действительно 40% находятся в этом интервале.

В общем, есть разнообразные методики оценки.

Можно подойти к этому вопросу с другой стороны – относит ли человек сам себя к среднему классу?

И социологи к такому методу тоже прибегают. Без всяких дополнительных уточнений.

То есть это вопрос самооощущения.

По разным опросам, около трети наших сограждан причисляют себя к среднему классу. Хотя нужно понимать, что такие опросы неизбежно сталкиваются с субъективностью оценок, в том числе из-за разницы уровня жизни по стране.

В этом смысле наша страна очень неравномерна. Особенно разница ощутима между крупнейшими агломерациями, нефтяными, газодобывающими регионами и остальной провинциальной частью страны.

Один и тот же финансовый достаток может считаться высоким для небольшого региона, но средним или даже низким в столице или крупном городе, ввиду большой разницы стоимости жизни.

Думаю, это не только наша особенность, она есть и в ряде других стран. Хотя во многих этот показатель распределен по регионам гораздо более равномерно.

В контексте среднего класса интересно обратить внимание на последние инновации в нашей налоговой системе, а именно на прогрессивную шкалу налогообложения.

Напомню, что с 1 января 2025 года у нас действует не плоская, а прогрессивная шкала.

Доход до 2,4 млн рублей в год государство по-прежнему облагает налогом в 13%.

Здесь ничего не изменилось.

А доход свыше 2,4 млн рублей в год облагается уже налогом в 15%.

Есть и следующие градации налогообложения, применяемые с повышением дохода: 18%, 20%, 22%.

Но интересно значение именно в 15% при доходе в 2,4 млн рублей.

Ведь если государство уже от этой суммы берет повышенный налог, значит, считает человека более чем обеспеченным.

2,4 млн рублей – это такой «великий» доход при наших, в общем, не низких, практически европейских ценах на базовые потребности и продукты питания?

Это, конечно, вызывает некоторые вопросы.

Наш уважаемый академик Угрюмов Михаил Вениаминович – я рад, что и сегодня он с нами, – неоднократно приводил примеры стран, в которых он преподавал, где стипендия аспирантов составляет тысячи долларов в месяц.

Поэтому, если уж вводить прогрессивную шкалу, то надо было вводить ее на сверхдоходы, а не начинать с того дохода, который даже к среднему можно отнести с напрягом, если он соизмерим или даже ниже аспирантской ежемесячной стипендии, пусть и за рубежом.

При этом, по оценке Минфина, в текущем году изменения в налогообложении коснутся примерно 3,2% работающего населения. То есть это та небольшая часть населения, которая будет платить повышенный налог.

Это тоже критерий среднего класса.

Получается, что российский средний класс находится где-то в промежутке между 3% и 70% населения, в зависимости от той или иной методики исчисления.

Вопрос крайне дискуссионный. И на уровне цифр, и на уровне раскрытия самого понятия.

И тема, сформулированная нашим докладчиком, тоже дискуссионная. Звучит она так: «Возможно ли в России “общество среднего класса”?»

Такая формулировка даже ставит в некотором смысле под вопрос само его существование. Но я уверен, что это возможно и нужно.

С удовольствием передаю слово члену Российской академии наук Чернышу Михаилу Федоровичу, директору Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Это самый крупный социологический центр. И один из уважаемых, я думаю, не только в нашей стране.

Пожалуйста, Михаил Федорович.

ДОКЛАД 1

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., проф., научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ВОЗМОЖНО ЛИ В РОССИИ «ОБЩЕСТВО СРЕДНЕГО КЛАССА»?

Уважаемые коллеги!

Мы собрались не просто для того, чтобы обсудить проблемы социальной структуры, но и для того, чтобы предать гласности результаты нашего новейшего исследования – исследования, которое имеет долгую историю.

Мы начали его в 1990 году как совместное сравнительное российско-американское исследование, как часть большого международного проекта, которым руководил известный американский социолог, теперь уже классик структурных исследований Эрик Олин Райт.

Это исследование продолжилось.

Примерно каждые 7–8 лет мы делали новую волну, сохраняя базовые показатели настолько, насколько это было возможно с учетом происходящих в нашем обществе изменений.

В 2024 году мы при поддержке РФФИ провели очередную волну.

Надо признаться, что каждый раз собирать данные становилось все сложнее.

В России, да и по всему миру социологи сталкиваются со схожими проблемами: растет доля отказывающихся принимать участие в опросах, увеличивается доля недостижимых домохозяйств.

Причины этих затруднений понятны на интуитивном уровне.

В больших городах искать и опрашивать респондентов на дому стало крайне сложно, если вообще возможно.

Повсюду интервьюерам противодействуют кодовые замки входных дверей, заборы, консьержки.

Плюс к этому наши граждане становятся все более недоверчивыми по отношению к любым чужакам, которые стучатся в двери их квартир или домов.

Все это вкупе вынудило нас перевести опрос в сеть Интернет, где еще есть возможность делать представительные выборки на основе обширных панелей.

Речь идет о специальной технике сбора данных, когда предварительно формируется большая панель потенциальных респондентов, которые дают согласие на включение в нее и доверяют сообщениям от компании, которая ее использует.

Из этой панели случайным образом отбираются респонденты, отвечающие заданным параметрам.

Данный метод имеет то преимущество, что доля отказавшихся отвечать в случае контакта с опросной компанией существенно меньше, чем если бы интервьюеры пытались ходить по домам.

Кроме того, данный метод дает возможность ощутимо увеличить размер выборки.

Мы опросили в этот раз 7563 респондента, а это довольно много для массового опроса.

Полученные данные позволили нам прийти к пониманию некоторых из тех изменений, которые произошли в нашем обществе и его социальной структуре в постсоветский период.

Эрик Райт изначально затевал международный проект для того, чтобы решить ряд фундаментальных методологических и теоретических задач.

Одна из этих задач состояла в том, чтобы – как уже говорил Гарегин Ашотович – определить, что такое средний класс в современном обществе.

В американском или каком-либо другом – здесь он стоял на позициях универсализма, допускающего схожесть обществ, находящихся в состоянии модерна.

Райт придерживался марксистской ориентации. Не догматической, а творческой, принимающей в полной мере диалектический характер развития, необходимость и возможность не только количественных, но и качественных изменений в современных обществах.

Для него было важно решить проблему, которую марксизм, даже современный, находил сложной, – проблему среднего класса как элемента социальной структуры и, вероятно, источника новых социальных противоречий.

По большому счету, средний класс в дихотомию общественных противоречий – так, как она виделась классикам марксизма, – не вписывался.

Райт предложил собственную концепцию, которая, на мой взгляд, эту задачу решала.

Он прибег к тому приему, который помогает нам сохранять ключевые категории анализа, модифицируя их содержание.

В центре его концепции – ключевое для марксистов понятие собственности.

Он предложил расширить его, включив в его определение те ресурсы, которые исключительно важны для современных обществ, а именно знания, квалификацию и квалифицированную способность к управлению.

Надо сказать, что это его суждение опиралось на богатую традицию.

До него схожие подходы выдвигал немецкий социолог Ральф Дарендорф, а французский социолог Пьер Бурдьё предлагал применительно к упомянутым ресурсам использовать понятие «капитал».

В знания, квалификацию можно инвестировать.

Имея эти ресурсы, можно рассчитывать на более высокие стандарты жизни, более высокий доход.

Отсюда возможность определить средний класс как совокупность граждан, имеющих как высокую квалификацию, так и высокие доходы.

Аналогичным образом одним из видов собственности становится способность осуществлять сложные управленческие функции, руководить предприятиями, учреждениями, организациями иного рода.

И это тоже в современном обществе дает дополнительный доход, прибавочную стоимость, если хотите.

Подобный теоретический подход не исчерпывает полностью всех вариантов трактовки понятия «средний класс».

Но надо признать, что он в значительной степени разрядил теоретическую коллизию между базовыми марксистскими подходами и новыми реалиями социальной жизни. В этом контексте средний класс перестал быть просто конструктом, а обрел почву и сделался наблюдаемым социальным явлением.

К тому моменту, когда Райт представил свою концепцию, онтологический статус изучаемой группы не вызывал серьезных сомнений.

Это понятие прочно вошло в оборот общественной науки и широко использовалось с середины XIX века.

Гарегин Ашотович совершенно прав, когда говорит, что и это не последняя временная граница, за которой оно теряет предметность.

Какие-то предпосылки среднего класса обнаруживались и в обществах раннего капитализма.

Отличия обществ модерна от тех старых эпох в том, что именно в современных обществах средний класс стал массовым явлением.

Впервые за всю историю человечества люди среднего достатка, образованные люди получали возможность в силу самой своей численности влиять на экономику, политическую жизнь и повседневные практики.

Зримые изменения в социальной структуре развитых стран привлекли внимание Питирима Сорокина.

В описаниях социальной структуры он, полемизируя с марксистами, указывал, что в наиболее развитых странах прогнозируемого марксистами обнищания не происходит. И что напротив, растет число тех, кто имеет относительно высокие доходы и доступ к благам современной цивилизации.

Понятию «класс» он предпочел понятие «страта», отвергая тем самым саму логику марксистского анализа.

Да и чего было ожидать от ученого и политика, которого ортодоксальные марксисты буквально вышвырнули из страны в эмиграцию?

Неприязнь по отношению к российским марксистам не мешала Сорокину тем не менее быть тонким, проницательным наблюдателем набирающего силу модерна.

Эволюционная трансформация социальной структуры стала предметом изучения в работах немецкого социолога Ральфа Дарендорфа, представившего свои рассуждения на эту тему в книге «Класс и конфликт в индустриальном обществе».

По Дарендорфу, в XX веке капитализм претерпел радикальные изменения, затронувшие ряд ключевых

общественных и экономических институтов, прежде всего институт собственности.

В эпоху модерна собственность перестала быть только единоличной, она стала коллективной, акционерной, дробной.

«Распад» собственности дал импульс так называемой менеджериальной революции: коллективные собственники уступили первенство в управлении предприятиями управленческому классу.

Управленцы заняли сильную властную позицию в экономике, именно они удерживают в руках реальную власть на предприятии и определяют его успех или неуспех на рынке.

Маркс, считал Дарендорф, наблюдал становление акционерного капитала, но не придавал этому явлению того значения, которого оно, несомненно, заслуживало.

Дело здесь в том, считал Дарендорф, что трансформация института собственности не вписывалась в классическую схему классового общества, размывала теоретический посыл о противоречиях современного общества и векторе его развития.

В современном обществе, с точки зрения Дарендорфа, можно сказать, появилась весомая группа благополучных исполнителей – состоятельных рабочих.

Рабочие не только имели высокий уровень жизни, но и получали возможность приобретать опционы предприятия, на котором работали.

В социальной структуре происходили и другие изменения.

Одно из главных – трансформация институциональной структуры общества, и прежде всего становление социального государства, взявшего на себя роль агента перераспределения имеющихся у страны ресурсов.

Это также увеличивало долю граждан с относительно высокими стандартами жизни и потребления.

Все это в совокупности приводило к тому, что классовые конфликты в традиционном их понимании уходили на задний план, а конфликты новой эпохи возникали в системе властных отношений так, как они складывались на отдельных предприятиях и в целом в обществе.

Современные общества можно с известной долей условности разделить на два типа:

- во-первых, общества, в которых власть концентрируется в одном центре и формирует жесткую иерархическую вертикаль управления;

- во-вторых, общества, где власть рассредоточена по отдельным организациям, будь то организации производственного плана или организации гражданского общества.

Здесь Дарендорф был вполне традиционен.

Напомню, что еще Герберт Спенсер делил общества на «военные» и «промышленные», то есть общества, в которых вертикаль определяет природу социальных отношений, и общества горизонтальных взаимодействий.

Степень концентрации власти является стимулом и импульсом к формированию больших социальных групп в современном обществе.

Из приведенных выше рассуждений неизбежно следует вывод: средний класс подвержен изменениям; его структура меняется, причем не только по критерию благополучия, но и по критерию занятости.

Английский историк Памела Пилбим попыталась воспроизвести траекторию становления европейского среднего класса в книге «Средний класс в Европе 1789–1914 годов. Франция, Германия, Италия и Россия».

Капитализм уже на ранних стадиях дал рождение социальной группе предпринимателей.

Затем к ней присоединились зажиточные крестьяне, а далее – специалисты, профессионалы.

По мере того как общество входило в состояние модерна, средний класс расширялся за счет чиновничества.

В обществе формировались управленческие иерархии, в том числе индустриальные.

Наконец, в средний класс вошли военные и сотрудники правоохранительных органов.

Средний класс становился все более многочисленным и, соответственно, более влиятельным в области политики и культуры.

Дарендорф, работавший в Великобритании и хорошо знавший ее политическую жизнь, пришел к выводу, что демократия в ее традиционном понимании теряет смысл тогда, когда в электоральном поле доминирует средний класс.

Острые идеологические различия между демократами и либералами, между левыми и правыми уходят в прошлое, уступая место идеологии «середины» со свойственной ей осторожностью, умеренностью.

Известный немецкий социолог Норберт Элиас описал эти изменения как цивилизационный процесс.

Главный, ключевой вектор этого процесса – уменьшение насилия в обществе.

И это то, что доказуемо, что засвидетельствовано данными статистики.

На Рисунке 1 вы видите статистические данные по 59 государствам, собранные Всемирным банком.

Налицо прямая корреляция между несколькими ключевыми показателями: ВВП, уровнем неравенства, степенью благополучия населения, количеством самоубийств и убийств, совершаемых в обществе.

Средний класс как агент изменений и индикатор развития (данные ВБ, 59 стран)

		ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.)	Уровень свободы (по шкале Freedom House)	Качество образования (по шкале от 1 до 7)	Неравенство доходов (отношение доходов верхних 20% населения к нижним)	Уровень убийств (на 100 тыс. населения)	Субъективное благополучие (по шкале от 0 до 10)
ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.)	Корреляция Пирсона	1	0,594**	0,780*	-0,273*	-0,340**	0,761*
	Знач. (двухсторонняя)		0,000	0,000	0,037	0,008	0,000
	N	59	59	59	59	59	59
Уровень свободы (по шкале Freedom House)	Корреляция Пирсона	,594*	1	,408**	-0,023	-0,152	,546**
	Знач. (двухсторонняя)	0,000		0,001	0,861	0,251	0,000
	N	59	59	59	59	59	59
Качество образования (по шкале от 1 до 7)	Корреляция Пирсона	,780*	,408**	1	-,416**	-,509**	,607**
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,001		0,001	0,000	0,000
	N	59	59	59	59	59	59
Неравенство доходов (отношение доходов верхних 20% населения к нижним)	Корреляция Пирсона	-,273*	-0,023	-,416**	1	,593**	-,0159
	Знач. (двухсторонняя)	0,037	0,861	0,001		0,000	0,229
	N	59	59	59	59	59	59
Уровень убийств (на 100 тыс. населения)	Корреляция Пирсона	-,340**	-0,152	-,509**	,593**	1	-,0100
	Знач. (двухсторонняя)	0,008	0,251	0,000	0,000		0,449
	N	59	59	59	59	59	59
Субъективное благополучие (по шкале от 0 до 10)	Корреляция Пирсона	,761*	,546**	,607**	-0,159	-0,100	1
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,229	0,449	
	N	59	59	59	59	59	59

Рис. 1

В обществах с обширным средним классом и, соответственно, низким уровнем неравенства уровень насилия

ниже, чем в обществах, в которых разрыв между бедными и богатыми велик.

Симптоматично, что уровень неравенства тесно связан с преступностью в ее тяжелых, общественно опасных формах.

Образование коррелирует с уровнем неравенства, равно как и субъективное благополучие.

В краткой форме эти зависимости можно отразить в следующем выводе: чем выше уровень неравенства, тем менее благополучным, более проблемным является общество.

Данные статистики я еще представил в форме типологии, применив метод главных компонент (Рис. 2).

Вся совокупность стран в таблице распалась на три типа.

Первый тип характеризуется высоким уровнем ВВП на душу населения в долларах (определяющий фактор, показатель), субъективным благополучием, качеством образования, уровнем свободы.

Это благополучные, развитые государства.

Для второго типа характерны высокий уровень убийств и самоубийств и высокий уровень неравенства (0,88 – это очень высокая нагрузка на фактор).

Уровень социального благополучия в этих обществах высокий.

Третий тип – довольно туманный. Это общества, отличительной характеристикой которых является высокий уровень самоубийств – 0,991.

Эдакие суицидные общества.

Вопрос, который с очевидностью имеет концептуальную подоплеку, мог бы звучать следующим образом: а был ли средний класс в советском обществе?

Повернутая матрица компонентов

	Компонент		
	1	2	3
ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.)	0,894		
Уровень свободы (по шкале Freedom House)	0,793		
Качество образования (по шкале от 1 до 7)	0,697	-0,499	
Неравенство доходов (отношение доходов верхних 20% населения к нижним)		0,880	
Гендерное неравенство (Gender Inequality Index)	-0,670	0,498	
Уровень убийств (на 100 тыс. населения)		0,864	
Уровень самоубийств (на 100 тыс. населения)			0,991
Субъективное благополучие (по шкале от 0 до 10)	0,879		
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.			

Рис. 2

Если резюмировать содержание работ по социальной истории СССР, то ответ на него дан положительный. Шила Фитцпатрик, австрало-американский социолог, утверждала, что обширные «средние слои» появились в СССР уже в 30-е годы.

Орландо Фиджес исследовал частную жизнь представителей советского среднего класса.

И хотя существование советского среднего класса многими оспаривалось по идеологическим соображениям,

отрицать присутствие в социальной структуре квалифицированного, высокооплачиваемого слоя затруднительно.

Действительно, индустриализация страны, развитие образования и науки создавали самостоятельную группу, которую с известной долей условности можно определить как средний класс.

Фитцпатрик сопровождает свое исследование красноречивыми фотографиями: в 1937 году москвичи заняты потреблением материальных и иных благ.

Если брать более поздний период, конец 80-х годов, то, по данным сравнительного исследования, 28% населения имели высшее образование, 21,4% – собственный автомобиль, а 35,1% – дачу или дачный участок.

По ряду ключевых признаков мы имеем приближение к среднему классу.

Да, это специфический средний класс, появившийся в экономике с высоким уровнем огосударствления, но это все-таки средний класс.

Тосунян Г.А.: А сколько процентов населения имели туалеты в своем жилье?

Черныш М.Ф.: В Советском Союзе?

Тосунян Г.А.: Вы приводите очень хорошие показатели...

Черныш М.Ф.: Не очень хорошие показатели.

Потому что 20% имели автомобиль.

Это, если подумать, не так уж и много.

Известный российский исследователь, специалист по качественным методам Алексей Левинсон говорит, что первый признак среднего класса – это автомобиль, второй – загородный дом.

Речь идет об аналитическом подходе, опирающемся на практики потребления.

Если два этих компонента в наличии, то мы вправе говорить о среднем классе.

Хотя бы в первом его приближении.

Известный специалист по Советскому Союзу и России финский социолог Маркку Кивинен назвал Советский Союз обществом среднего класса, большая часть которого находилась в квазипозиции.

В этот квазисредний класс входили учителя, врачи, преподаватели вузов, ученые, художественная интеллигенция, специалисты.

Все они, с его точки зрения, в процессе реформ должны были составить ядро уже российского среднего класса.

Но, как будет понятно далее, этого не произошло.

Если подытожить дискуссию о среднем классе, то на выходе мы получаем два основных определения среднего класса.

Первое сфокусировано на доходах и потребительских практиках.

Это – монетарный средний класс, включающий в себя ту часть населения, которая имеет высокие доходы, достаточные для комфортной жизни.

Остальные показатели мы в этом случае не учитываем.

Как заработал деньги, так и заработал.

Второе определение помогает выделить «аналитический» средний класс, рассматриваемый как один из признаков современного общества в его развитой форме – в той форме, в которой он сформировался в Европе или в Соединенных Штатах Америки.

На основе данных нашего последнего исследования 2024 года можно оценить размер монетарного среднего класса в сравнении с данными 2014 года.

Первая цифра – показатель за 2014 год, вторая – за 2024 год (Рис. 3).

Потребительский средний класс: динамика

Рис. 3

Линией отсечения потребительского среднего класса мы предлагаем считать границу между теми, для кого дорогие вещи – проблема, и теми, кто испытывает затруднения при приобретении вещей длительного пользования.

Как мы видим, средний класс в этом ракурсе зрения – это дифференцированная группа.

К нижнему слою принадлежит его большинство (91,9% изучаемой группы), к высшему слою – меньшинство (4,0%).

Социальная структура в последние годы, после начала специальной военной операции, пришла в движение.

Это отмечается всеми исследованиями.

Растет количество денег, вливаемых в экономику.

И эти деньги распределяются не только в столицах, но и на периферии.

После долгого застоя региональные сообщества пришли в движение.

Данные других исследований подтверждают эти изменения (Рис. 4).

Практики потребительского среднего класса: пользование кредитом

	Мы не можем свести концы с концами	Для нас покупка одежды – большая проблема	Покупка вещей длитель-ного пользо-вания - про-блема	Действи-тельно дорогие вещи - проблема	Наших дохо-дов не хватит на то, чтобы купить квар-тиру или кот-тедж	У нас нет ма-тери-альных про-блем
Ипотечный кредит	9,9	12,7	14,7	20,6	24,9	24,0
Потребительский кредит	50,5	56,5	58,7	57,3	47,0	30,0
Автокредит	2,0	5,0	6,6	9,6	16,1	18,0
Кредитная карта	61,4	51,8	49,6	45,8	38,2	46,0
Образова-тельный кредит	4,0	2,5	2,0	2,3	3,7	2,0
Кредит на лечение	6,9	5,5	2,9	1,1	1,4	2,0
Бизнес-кредит	0,0	0,3	0,3	0,7	0,9	4,0

Рис. 4

Обратите внимание на долю тех, кто пользуется кредитом. Кредит – это одна из практик, в которую вовлечен средний класс.

Гарегин Ашотович об этом говорил в своем вступительном слове.

Теперь рассмотрим средний класс в ином его определении – аналитическом.

В эту группу входят руководители разного уровня и специалисты-профессионалы.

В настоящее время это примерно 31,4% российского населения.

При этом специалистов – около четверти.

Обращает на себя внимание отсутствие прямой связи между статусом специалиста и материальным благополучием.

При этом в других группах, не имеющих высокого уровня квалификации, доля благополучных достаточно велика.

В социальной группе «благополучных» мы находим операторов промышленных машин, квалифицированных рабочих и другие аналогичные позиции.

Если взять, к примеру, группу квалифицированных рабочих, у 9% – полная чаша, не хватает денег только на покупку загородного коттеджа.

К настоящему времени в российском обществе сложилась ситуация, вследствие которой квалификация человека не является решающим фактором, обуславливающим принадлежность к среднему классу.

Уровень знаний, квалификация, образование, способность осуществлять управленческую функцию играют роль, но как один из факторов, наряду со многими другими.

Проблема в том, что эта ситуация не меняется с 1990 года.

Можно предположить, что тот тип экономики, который мы выбрали или который был нам навязан, консервирует сложившуюся систему социальных приоритетов.

Да, образование играет роль, но при этом важно жить в Москве.

В Москве у специалиста один стандарт материальной жизни, в Кургане – другой.

На уровень материального благополучия влияют возраст и пол (Рис. 5).

И конечно, очень важно быть частью системы управления.

Если ты управленец, особенно в системе государственного управления, то шансов попасть в средний класс у тебя больше, чем если ты учитель или преподаватель вуза.

Факторы материального благополучия (результаты логистической регрессии)

	В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	Ст.св.	Знач.	Exp (В)
Специалисты (1,0)	-0,672	0,069	95,793	1	0,000	0,511
Тип города (от столиц к провинции)	0,346	0,036	91,379	1	0,000	1,413
Возраст (от молодых к пожилым)	0,158	0,017	87,074	1	0,000	1,171
Пол (1-мужчина, 2-женщина)	0,322	0,048	45,823	1	0,000	1,380
Управленцы (1,0)	-1,079	0,131	68,238	1	0,000	0,340
Константа	-1,859	0,137	183,528	1	0,000	0,156

Рис. 5

Итак, если кратко резюмировать.

В России сформировался массовый потребительский средний класс, включающий в себя весомую долю

работников, занятых исполнительским трудом на разных уровнях.

Что касается «аналитического» среднего класса, то он сформировался в начале 90-х годов, и с тех пор его доля меняется незначительно.

Социальная структура – такая, какую мы наблюдаем, – отражает экономические и социальные приоритеты прошлой и настоящей эпох.

Она инвариантна по отношению к экономике с невысокой производительностью труда, производству с низкой добавленной стоимостью, включающей в себя при этом обширный сектор услуг.

Рыночный сектор услуг создает область занятости, в которой формируется весома́я доля той группы, которую мы определили как потребительский средний класс.

Вот основные тезисы. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Федорович, за емкость доклада и за соблюдение регламента.

Я вижу уже поднятые руки. Давайте выслушаем вопросы.

Потом выступят двое наших коллег, изъявивших желание выступить именно после Вашего доклада.

Общее обсуждение – после.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Тощенко Ж.Т.: С Михаилом Федоровичем мы обсуждали эти проблемы неоднократно на самых различных встречах – как научных академических, так и неформальных.

Проблема среднего класса очень актуальна, важна и является сейчас одной из центральных в нашей социологии.

У меня следующий вопрос к Михаилу Федоровичу.

Вы верно обратили внимание на то, что за последнее время усилилась критика этого определения и у наших, и у зарубежных коллег.

Вы тоже высказали некоторые сомнения на этот счет.

Как Вы считаете, все-таки это уже окончательно устоявшееся понятие или оно требует уточнения, дальнейшей разработки, дальнейшего обсуждения?

Каким образом определить социальную структуру нашего общества?

Черныш М.Ф.: Спасибо, Жан Терентьевич, за вопрос.

У меня ответный вопрос к Вам.

А какое из понятий в общественных науках можно считать устоявшимся? Есть хоть одно такое понятие?

Тощенко Ж.Т.: Я выскажу свое мнение в выступлении.

Черныш М.Ф.: В общественной науке нет устойчивых, раз и навсегда заданных понятий.

Они все амбивалентны.

Все понятия находятся в состоянии постоянных изменений, подстраиваясь под изменяющуюся реальность.

Такова природа общественной науки.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Жан Терентьевич.

Пожалуйста, Грифцова Ирина Николаевна, доктор философских наук, заведующий кафедрой Московского педагогического государственного университета.

Прошу Вас, Ирина Николаевна.

проф. ГРИФЦОВА И.Н. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.

ГРИФЦОВА И.Н.

д. филос. н., проф., заведующий кафедрой философии
Московского педагогического государственного университета

Грифцова И.Н.: Добрый день, уважаемые коллеги!
Большое спасибо за доклад.

У меня тоже вопрос, в развитие предыдущего, о понятии среднего класса.

Как Вы считаете, если все-таки использовать данное понятие, какого рода оно должно быть?

Категориального, высокого уровня абстракции, либо оно должно все-таки каким-то образом зависеть от того контекста, к которому применяется?

Позволю себе привести маленький пример.

Накануне дефолта мы с моей подругой сумели купить по телевизору «Sony».

Тогда доллар стоил шесть рублей.

Мы были счастливы и думали, что мы сейчас, наверное, как-то принадлежим к среднему классу, хотя ни у одной из нас не было ни машины, ни дачи, ни даже своей квартиры.

Вопрос в том, рассматриваете ли Вы данное понятие как понятие высокого уровня абстракции, которое задает какую-то стратегию исследования общества?

Либо это понятие более низкого уровня абстракции, которое должно быть релятивизировано относительно конкретного контекста, в данном случае российского?

И тогда, может быть, набор признаков действительно должен измениться и каким-то образом варьироваться? В духе, допустим, «семейного сходства» Витгенштейна, когда не абсолютно вся совокупность признаков

должна искаяться у исследуемого явления, а они должны мигрировать, то есть быть переходящими: какие-то есть, а каких-то нет.

Вы говорили, что, допустим, уровень квалификации не у всех обеспеченных людей обязательно высокий.

То есть меня интересует, к какому типу понятий, с Вашей точки зрения, относится понятие среднего класса.

Спасибо за доклад еще раз.

Черныш М.Ф.: Не вижу причин, по которым мы должны от чего-то отказываться.

Почему мы должны отказываться в пользу некоторых аналитических категорий, не рассматривая более прикладные аспекты нашей повседневности?

И отказываться от того, как структурируют российскую повседневность разные уровни доходов, абстрагируясь или отказываясь от других критериев?

Думаю, что и то и другое нам подходит.

И мы будем это использовать.

Поэтому не случайно я попытался в докладе дать два определения среднего класса.

Одно – «аналитическое», другое – «потребительское».

Оба в ходу.

И оба позволяют нам понять природу российского общества, того, в каком состоянии оно находится.

Что касается категорий и того, как мы с вами их определяем, хочу обратиться к известному анекдоту о Диогене и Платоне.

Когда Платон попытался определить человека и сказал, что это существо без перьев на двух ногах, Диоген принес ощипанного петуха и сказал: «Вот твой человек».

Понимаете, нет совершенства в том, что касается имеющихся у нас определений.

На протяжении всего исследовательского процесса мы должны работать с ними отдельно.

Тосунян Г.А.: Надежда Александровна Касавина, Институт философии РАН, член Академии наук.

чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Касавина Н.А.: Михаил Федорович, спасибо за интересный доклад.

Меня очень интересует в этом вопросе взаимовлияние разных показателей, которые позволяют определять средний класс.

В 2004 году было проведено интересное и масштабное исследование духовной культуры российского общества.

Его автор и инициатор – Владимир Эрихович Бойков. Оно косвенно касалось среднего класса.

Меня заинтересовало в его результатах то, что при оценке доступности россиянам разного рода благ, услуг автор отмечает, что с удовлетворением потребностей, связанных с конкретными вещами, у населения все более или менее в порядке.

Но в чем действительно проявилась проблематичность – это доступность планирования и осуществления отдыха, то есть доступность рекреации: и лечебной, и интеллектуальной, и культурной.

Именно с этим связывались основные проблемы в оценке доступности благ.

У меня такой вопрос: если принимать во внимание исследования разного времени, то произошли ли какие-то положительные изменения в этом вопросе? Есть ли данные на этот счет?

Черныш М.Ф.: Данные такие, безусловно, есть.

Конечно, люди отдыхают. И есть своя динамика по поводу отдыха и выезда за рубеж.

По поводу выезда за рубеж, правда, динамика сейчас отрицательная.

Но раньше в разного рода спорах утверждалось, что раз такое число россиян выезжают на отдых за рубеж, допустим, в Турцию, то мы – благополучное общество.

«Человек съездил туда один раз в год, что вы хотите еще? Мы – общество, которое процветает», – говорили они.

Или вот такой показатель, как наличие в домохозяйстве плоскопанельного телевизора.

Были те, кто утверждал, что наличие такого телевизора – это признак благополучия.

Если есть такой телевизор, значит, человек имеет доступ к современным технологиям и называть его бедным мы не имеем права.

Понятно, что некоторые критерии, которые мы используем для описания социальной структуры, эволюционируют вместе с технологиями, которые используются в быту, вместе с качеством жизни и теми представлениями о достоинстве и достаточности, которые бытуют в массовом сознании.

О нормальности.

Для людей в блокадном Ленинграде настоящей удачей было получить буханку хлеба.

Они на этом основании могли считать себя благополучными, ведь благодаря этой буханке они могли выживать еще в течение недели.

Ясно, что подобные критерии нормальности могут быть приняты только в очень специфической ситуации.

САРКИСЯН Т.С.

к. э. н., заместитель председателя правления
Евразийского банка развития

Саркисян Т.С.: Когда слушал Ваш доклад, у меня возник вопрос.

Любое определение понятия имеет смысл, если известна цель исследования.

Без цели исследования невозможно дать точную формулировку сущности не только человека, но и более простых вещей.

Например, определить, что такое стул или стол, невозможно точно. Потому что можно привести примеры разных видов и форм столов, которые не соответствуют вашему определению.

Если неизвестна цель, зачем вам нужно определение стола или стула.

То же самое и здесь... Вы говорите, что общество меняется, трансформируется.

И те понятия, которые применял Маркс, трансформировались очень существенно.

Но все-таки в социологии почему-то все предпочитают по-прежнему пользоваться понятием «средний класс», хотя непонятно, зачем это нужно сегодня.

Потому что общества стали более разнообразными.

Применяются новые термины для того, чтобы характеризовать социальные группы, которые есть в обществе.

У меня возникает вопрос: а зачем вообще нужно сегодня пользоваться термином «средний класс» в социологии, когда трактовка этого термина настолько разнообразна?

Можно подвести под этот термин любую формулировку, исходя из цели исследования.

А когда цель исследования определена, то сразу получается, что для современного общества необходимо уже применять другие понятия, которые показывали бы разнообразие общества, разнообразие социальных групп.

Поэтому вопрос простой: зачем сегодня нужно понятие среднего класса?

Спасибо.

Тосунян Г.А.: В этом контексте я процитирую вопрос из чата от Аллы Алексеевны Шептун.

«Термин “средний класс” очень сомнительный. Это скорее литературная метафора, чем научный термин в современном использовании.

Маркс выводит критерии отношения к средствам производства на классовые интересы и их противоречия.

Уровень экономического благополучия как критерий отнесения к среднему классу очень сомнительный, неоднородный и непостоянный.

Каким непосильным трудом было добыто это благополучие? Разным. И честным, и нечестным.

Означает ли экономическая однородность среднего класса его социальную однородность?

Можно ли сказать, что это прослойка равных, имеющих одинаковые среднеклассовые интересы?

Каковы социальные характеристики этой прослойки?»

Этот вопрос корреспондирует с предыдущим, поэтому я целиком зачитал его.

Черныш М.Ф.: Коллеги – любители сложных, трудных вопросов.

Причем вопросов, которые относятся к первоосновам того, что происходит не только в общественной науке, но и вообще в социальной жизни.

А для чего вообще всё?

Я пытался ответить на этот вопрос в докладе.

Может быть, косвенным образом.

Каковы цели, которые ставит перед собой общество? В чем заключается наша телеология, наша целепостановочная деятельность? Чего мы хотим от процесса эволюции и развития общества?

Мы хотим, чтобы было меньше насилия.

Мы хотим, чтобы люди имели возможность, в том числе через образование и имеющиеся способности, реализовать себя в этой жизни, реализовать личные цели, двигаться вслед за теми смыслами, которыми наполнена их жизнь.

Мы хотим, чтобы люди были счастливы в бентамовском смысле этого слова?

Или мы хотим, чтобы у нас было, условно говоря, общество, «подмороженное» в том, что касается социальных показателей?

У Ивана Антоновича Ефремова в его антиутопии «Час быка» описано общество, для которого характерен высочайший уровень неравенства. Там есть джи – долгоживущие и кжи – короткоживущие.

Мы хотим, чтобы у нас было такое общество?

Или мы хотим общество долгоживущих, реализующих себя благополучных людей, у которых есть уверенность в том, что они завтра не станут жертвами насилия?

Вот это, мне кажется, важный вопрос.

Целепостановочная деятельность «защита» в самой природе общественной науки.

Какое-то время мы отказывались признавать ее значимость, но это неправильно.

Важно не только вести исследования, но и представлять себе «желательное состояние», а также те дороги, которые к нему ведут.

Тосунян Г.А.: Колосова Нина Михайловна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Пожалуйста, Ваш вопрос.

КОЛОСОВА Н.М.

д. ю. н., главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Колосова Н.М.: Доброе утро!

Спасибо за интересный доклад.

Мой вопрос о функциях среднего класса немного корреспондирует с предыдущим – для чего все это делается?

С учетом того, что Вы проводили исследование не один раз, наблюдали ли Вы изменения состава и функциональных характеристик социального слоя в обществе?

И можно ли допустить, что небольшой процент среднего класса полноценно выполняет все функции?

И возможно ли в принципе, чтобы большинство среднего класса не влияло бы на реализацию присущих названному классу функций?

Вы говорили, что наличие среднего класса приводит к уменьшению фактов насилия.

Если признать это функцией или основным назначением среднего класса, то эффективно ли эта задача решается в настоящее время, и зависит ли это от процента среднего класса в обществе?

Спасибо.

Черныш М.Ф.: Вы знаете, есть некоторая методологическая сложность с понятием функции.

Можем ли мы говорить о функциях применительно к стратам? Имеют ли страты какую-то свою функциональную специфику?

На наш взгляд, функции в стандартном их понимании относятся к области функционирования социальных институтов.

Социальные институты имеют функции.

А социальная страта – это некоторая исследуемая, выделяемая нами категория, которая прямой функции не имеет.

То, о чем я говорил, есть непреднамеренные последствия благополучия.

Благополучие в обществе рождает более гуманный тип социальных отношений.

Поэтому для нас так важно общество среднего класса с низким уровнем преступности, невысоким уровнем самоубийств, высоким уровнем социальной защиты.

Это не то чтобы функция среднего класса.

Само его существование рождает социальную и институциональную среду, благодаря которой общество становится более гуманным и более развитым.

акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН, д. б. н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Угрюмов М.В.: Спасибо большое.

У меня не вызывает сомнений, что этот критерий средней группы очень важен, хотя бы потому, что он позволяет охарактеризовать капиталистическое общество.

Оно ближе к олигархическому или социально ориентированному?

Это мне кажется принципиально важным.

И об этом в какой-то степени здесь уже говорилось.

Это первое.

Второе.

Мне хотелось бы задать вопрос.

Отмечалось, что в средний класс входят активно работающие люди, имеющие определенный материальный потенциал: дача, машина и так далее.

Видимо, в него должны входить и люди, у которых есть материальный потенциал, но которые ничего не делают, а живут на ренту.

Вы как-то учитываете пропорциональное соотношение групп этих людей?

Черныш М.Ф.: В основном мы выделяем некоторую категорию людей либо по уровню благополучия, либо по типу занятости и тем производственным функциям, которые они выполняют.

Люди, живущие на ренту, если эта рента дает им благополучный образ жизни, попадают в «потребительский» средний класс.

Это такие фланеры, выражаясь языком философов, которые ходят по магазинам, что-то покупают, но нигде не работают.

Такая категория есть, но на самом деле она немногочисленна.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, если не возражаете, я предоставлю слово заранее записавшимся нашим участникам.

Бобков Вячеслав Николаевич, доктор экономических наук, профессор, директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, заведующий сектором Института экономики РАН.

Он выступал на нашем заседании по теме безусловного базового дохода, то есть постоянный участник наших заседаний.

БОБКОВ В.Н.

д. э. н., проф., главный научный сотрудник,
заведующий сектором Института экономики РАН

Спасибо большое.

Я хотел бы поблагодарить Михаила Федоровича за высококлассный доклад.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр давно и очень глубоко проводит исследования социальной структуры нашего общества.

И мы видим сегодня продолжение этих исследований.

Получены очень интересные данные, и доклад имеет хорошее теоретическое обоснование.

Тем не менее я не понял некоторые аспекты из выступления Михаила Федоровича.

Когда он говорил о средних классах.

Шла ли речь о работниках с соответствующими признаками?

В докладе часто употреблялось выражение «процент от населения».

Имелась ли в виду доля населения, которая проживает в тех домохозяйствах, работники которых отвечают соответствующим признакам, или доля работников?

Полагаю, Михаил Федорович сможет уточнить этот важный аспект.

Хотел бы на этом противоречии обозначить свою позицию.

Если оцениваются масштабы так называемого среднего класса, на наш взгляд, надо выявлять критерии и количество соответствующих им работников.

Поскольку мы рассматриваем вопрос в экономической плоскости, то важно учитывать, способны ли эти

работники своими доходами обеспечить расширенное воспроизводство уровня жизни своих домохозяйств.

Мы полагаем, надо учитывать эту очень важную связку.

Нельзя рассматривать уровень индивидуальных доходов работников, определяющих их соответствие критериям среднего класса, без учета способности этими доходами обеспечить экономическую устойчивость домохозяйства, расширенное воспроизводство уровня жизни в домохозяйстве.

Здесь очень важна связка индивидуальных доходов от занятости и демографической составляющей.

Должны быть созданы экономические условия, чтобы в домохозяйстве не только родить детей, но и дать им воспитание, возможность получить качественное образование.

Только тогда трудовой потенциал работника превратится в его человеческий капитал.

Для оценивания уровня индивидуальных доходов от занятости и их способности обеспечивать разный уровень воспроизводства уровня жизни в домохозяйствах мы используем социальные стандарты реальных душевых доходов домохозяйства – так называемый нормативно-статистический подход.

Выделяем пять социальных слоев:

- наименее обеспеченные,
- низкообеспеченные,
- обеспеченные ниже среднего уровня,
- среднеобеспеченные,
- высокообеспеченные.

Выделение этих слоев происходит на основе нормативных потребительских бюджетов, либо же это совмещается с анализом рядов распределения населения по

душевым денежным доходам и распределения общего объема денежных доходов по душевым доходам, которые публикует Росстат.

Находим там так называемые нормативные информационные точки: модальный, медианный, средний душевой доход и другие.

Для оценивания вхождения в средние классы по критерию реальных денежных доходов важно, чтобы доходы работника от занятости (общероссийский уровень) позволяли его домохозяйству иметь среднедушевые доходы выше социально приемлемого уровня (выше среднедушевых денежных доходов).

Наши наблюдения показывают следующее.

Работнику, который несет расходы только на себя (он и домохозяйство), для обеспечения своей экономической устойчивости в 2025 году необходимо зарабатывать не менее 70–90 тысяч рублей.

Таких работников-домохозяйств примерно 50%.

Если перейти к домохозяйству с иждивенцами, прежде всего домохозяйству с детьми, работнику надо получать более высокие доходы от занятости.

Например, чтобы обеспечить экономическую устойчивость полной однодетной семьи, каждому работнику (а в полной семье два работника) нужно иметь доход от занятости примерно 90–120 тысяч рублей.

Соблюдение этих критериев позволяет говорить о работниках таких домохозяйств как о представителях среднего класса.

В полных двухдетных домохозяйствах, достигающих уровня экономической устойчивости, могут находиться только примерно 30–35% работников от их общего количества в таких домохозяйствах.

Для полного двухдетного домохозяйства, к чему мы должны стремиться, решая демографическую проблему, каждому из работников надо зарабатывать в среднем в месяц 120–150 тысяч рублей для обеспечения начального уровня экономической устойчивости.

Только 25% работников из таких домохозяйств могут обеспечить экономическую устойчивость своему домохозяйству.

Кроме критерия уровня доходов от занятости для вхождения в средние классы важно соответствовать критерию образования.

Наши исследования показывают, что критерию доходов соответствуют только 25–30% работников с высшим или средним профессиональным образованием.

Поэтому, когда речь идет о работнике, который должен двигать наше общество вперед, мы должны учитывать соответствие критерия доходов и критерия образования, а также соответствие им рабочих мест.

Политика доходов и заработной платы требует кардинальных изменений, чтобы создать условия для расширенного воспроизводства средних классов, которые способны обеспечить технологический, моральный и духовный прогресс нашего общества.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Послушаем Владимира Николаевича Шевченко, доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии РАН. Владимир Николаевич также выступал на одном из наших заседаний с докладом.

Прошу Вас.

ШЕВЧЕНКО В.Н.

д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Спасибо большое за возможность выступить в такой весьма интересной дискуссии.

Мне представляется очень важной идея методологической неопределенности, которую высказал в своем выступлении Михаил Федорович Черныш.

И прежде всего в связи с тем, как правильно понимать средний класс в качестве элемента социальной структуры.

Недавно в Институте философии на одном из заседаний методологического семинара по цивилизационной проблематике, которым руководит академик Андрей Вадимович Смирнов, Михаил Федорович выступал с докладом.

И я задал ему вопрос о том, что цивилизационный подход ставит проблему цивилизационного своеобразия как философии, так и конкретных социальных наук, в первую очередь – социологии, политологии, политической экономики или экономической теории.

Можно ли сегодня говорить о необходимости создания отечественной социологии, которая будет опираться на многовековые исторические корни российской цивилизации и ее своеобразие?

Михаил Федорович мне ответил, что есть единая общечеловеческая социология плюс некоторые национальные особенности, которые не отменяют ее универсального характера.

Мне представляется, что сегодня в своем выступлении Михаил Федорович исходил из утверждения о наличии такой единой социологии.

Позвольте мне предложить альтернативное решение проблемы среднего класса.

В том смысле, что за этой проблемой скрывается совсем другая и очень серьезная проблема, которая сразу же обнаруживает себя, как только мы посмотрим на нее с точки зрения цивилизационного подхода.

Кратко изложу свою точку зрения.

Почему важен цивилизационный подход?

Российское государство не пережило революционного перехода к новому, более высокому общественному строю.

Цивилизационный подход говорит, что государство или цивилизация как социальная целостность на до-буржуазной, традиционной стадии развития составляет органическое неразрывное единство, более того, сращенность с окружающей природной средой.

Первые буржуазные реформы России показали, насколько разрыв крестьянина с землей носит затяжной и болезненный характер.

Русский писатель Глеб Успенский в своей лучшей работе «Власть земли» (1882) выступает от имени бывшего крестьянина Ивана Босых.

Общая идея книги заключается в том, что жизнь русского крестьянина определяется «властью земли», от которой он полностью зависит и которая придает ему особое мышление. Также в книге (это целый ряд очерков) показывается, как происходит разрушение мира крестьянина, вызывающее непредсказуемые последствия.

Государство-цивилизация крепко связано с тем, что евразийцы называли «местом развития».

Местом, где происходит развитие народа или государства, в значительной степени предопределяется траектория и историческое содержание этого развития.

Универсальной модели развития не существует.

А многообразие ландшафтов земли порождает многообразие культур, каждая из которых имеет свои циклы, свои внутренние критерии, свою логику.

Никакое место развития не имеет права претендовать на то, чтобы быть эталоном для остальных. Каждый народ имеет свою модель развития, свое время, свою рациональность и должен быть понят и оценен исходя из внутренних критериев.

Преодолеть сращенность всех сторон традиционного общества с природой смогла только западная цивилизация, пройдя через грандиозную революцию, которая длилась несколько столетий.

Напомню забытое место у Маркса в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»¹⁰, которое сегодня обходится стороной.

Маркс выделяет три исторических типа социальности.

Меня в данном случае интересует связь личной зависимости и вещной зависимости.

Это положение, сформулированное К. Марксом, никто по существу не оспаривает.

Но с какой системой общественных отношений связаны эти типы социальности, типы зависимости людей в обществе – такой вопрос, как правило, сегодня не ставится.

И отсюда – многие упрощения, которые существуют при рассмотрении так называемого догоняющего развития, возможностей перехода от добуржуазного, традиционного общества к западному, буржуазному.

Маркс пишет о сращенности власти и собственности, власти и административного управления, крестьянина и общины с землей и так далее.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 100–101.

Если общество не достигло в своем развитии буржуазной стадии исторического развития, то насильственный отрыв крестьянина от земли не делает его индивидом-собственником буржуазного типа.

Все дело в том, что нельзя ограничиться здесь ссылкой на частную собственность.

Главное может быть и не в частной собственности, хотя идеология преднамеренно выдвигает это свойство на первое место.

В социальной философии здесь указывается на совокупность факторов.

В процессе перехода к капитализму создаются общественное разделение труда, рынок, отношения производства, обмена, распределения и потребления, которые экономически (а не властной силой) связывают воедино всю территорию государства.

И все это в своей совокупности порождает вещную (товарно-денежную) зависимость между людьми при их личной независимости.

И. Валлерстайн пишет о невозможности создания отдельных социальных наук: социологии, политической теории, экономической науки – для описания добуржуазных обществ, впрочем, как и для описания постиндустриального информационного общества.

Здесь может быть только единая социальная наука в собственном смысле слова.

Сферы общественной жизни в традиционном обществе слиты воедино, нет четкой дифференциации между ними, да она и невозможна.

Только с появлением буржуазного общества складываются относительно самостоятельные сферы жизни. И соответственно им – общественные отношения между людьми, причем теперь они создаются самими людьми.

Маркс говорил, что сначала нужно создать общественные отношения, а потом уже ставить вопрос об их изменении.

Отменить традиционные отношения современными по примеру западного общества можно только в воображении.

Лишь в буржуазном обществе возникают отдельные социальные дисциплины.

Социология становится самоописанием процесса реализации в жизни западного общества проекта модерн, так же как политология и экономическая теория.

В западном обществе эти науки по определению должны быть лишены всякого ценностного предпочтения.

Это должны быть точные науки.

Социология – точная наука, и она носит общечеловеческий универсальный характер, разумеется, с учетом национальных особенностей отдельной страны.

Анализ воздействия западного общества на остальной мир в XX веке показал, что бывшие колонии, особенно большие государства-цивилизации, не могут быть перестроены по западному проекту.

Важный вывод отсюда заключается в том, что в каждом незападном государстве-цивилизации обнаруживается свой набор цивилизационных признаков.

Несмотря на то, что Россия дважды пыталась встать на путь так называемого догоняющего развития, она не смогла изменить свои онтологические константы, связанные в том числе с определенным историческим типом социальности, о которых в свое время говорил К. Маркс.

С наступлением постиндустриального этапа эти изменения становятся даже теоретически невозможными.

В России сохраняются основные цивилизационные константы на протяжении веков.

Но в современной России они получают свою более содержательную конкретно-историческую форму со всякого рода изменениями, дополнениями, обогащениями и так далее, не меняя ее по существу.

Это высокоцентрализованная власть, административная жесткая вертикаль власти сверху донизу, иерархическая социальная структура общества, сращенность власти и собственности, господство имперской идеи, государственнический народ и так далее.

Поэтому так важна идея – идти своей колеей.

И это не рекламный слоган.

У каждого незападного государства-цивилизации есть своя колея.

И, заметим, достаточно четко очерченные границы природной среды, в которых оно существует и развивается.

Теперь что касается социальной структуры.

В России она складывается и развивается по закономерностям, отличным от закономерностей, свойственных западной цивилизации.

В чем состоит содержание понятия «средний класс»?

В начале XX века его связывали с собственностью.

Потом в западном обществе фокус почему-то сместился на рассмотрение уровня доходов.

Понятие класса осталось, но его наполнили безобидным содержанием.

В чем исторический смысл появления среднего класса?

Вспомним, что для добуржуазных государств были характерны сословия.

Сословия – это социальные группы, обладавшие определенными, но неравными между собой правами и обязанностями, которые закреплялись в обычае или в законе.

В России это дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство и так далее.

Поскольку мы не перешли на иной, более высокий уровень исторического развития (я имею в виду классический капитализм), добуржуазным сословиям в прошлом сегодня соответствуют социально-профессиональные страты, которые можно и нужно считать субъектами социальной структуры.

Это военные, управленцы или госслужащие, инженерно-техническая интеллигенция, предприниматели или бизнесмены, крестьянство, рабочие, деятели науки и культуры.

Эти страты, за исключением духовенства, должны быть как-то представлены в общественно-политической жизни страны, прежде всего в парламенте – скорее всего, через свои политические партии.

Но каков опыт нашего партийного строительства по либеральному образцу за 35 лет?

Каждая парламентская партия с довольно расплывчатой социальной базой утверждает, что она имеет свою концепцию развития страны, и борется за ее принятие.

Однако высшая власть в стране является по-прежнему надпартийной и по существу, и по Конституции.

Деятельность указанных выше партий будет оцениваться положительно, если их действия станут носить взаимодополняющий характер, с тем чтобы создавать единую стратегию развития и придерживаться ее в главных чертах.

Нельзя забывать, что страна по важным экономическим, научно-технологическим и другим параметрам заметно отстает от наиболее развитых стран.

Следовательно, концепция развития страны сегодня, как и в прошлые исторические периоды, должна по необходимости носить мобилизационные черты в современном их понимании.

Об этом не один раз писали наши журналисты, ученые.

Дискуссия, которая сегодня развернулась по этому вопросу, связана с тем, что современное общество имеет очень неясную, можно сказать, хаотичную социальную структуру.

И теория пока плохо помогает понять причины такого реального состояния, понять, кто в обществе выражает наиболее значимые интересы различных социально-профессиональных страт, на самом деле – социальных субъектов, которые сегодня существуют по большей части в несобранном виде, например, крестьянство, пенсионеры.

Причина одна: методологически не учитывается в должной мере историческое своеобразие российского государства и общества в целом.

Что касается теоретической значимости выделения среднего класса, то он, по моему мнению, не может выступать в любом смысле отдельным субъектом социальной структуры.

Скорее всего, помимо идеологической его нагруженности, он успешно используется в статистике для изучения динамики социального неравенства в современном обществе.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Жан Терентьевич, Вы говорили, что хотите тоже участвовать в полемике и дать свой комментарий.

Прошу Вас.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр.

Хотел бы сделать несколько комментариев к интересному, обстоятельному докладу Михаила Федоровича.

Я уже сказал, что мы эти проблемы прямо или косвенно обсуждали с ним неоднократно.

Могу сказать, что я несколько скептически отношусь к понятию «средний класс», хотя и употребляю его в своих и выступлениях, и некоторых письменных работах.

Дело в том, что я хочу высказать свое отношение вообще к понятию «среднее».

Например, говорят о средней заработной плате, что меня никаким образом не удовлетворяет.

Гораздо более глубоко и обстоятельно отражают суть этого понятия «модальная заработная плата», «медианная заработная плата».

Причем модальная – начиная от того, как она считается Росстатом, и завершая тем, как она используется и насколько отражает реальность.

Есть и практическая сторона понимания термина «среднее».

Мой брат – инженер одного из заводов, относившихся в свое время к Министерству среднего машиностроения.

Я шутя спрашивал Славу, почему их министерство называется средним.

Он тоже шутливо отвечал, что они могут дострелять до Испании или Северной Африки, а что дальше – за это отвечает другое министерство.

Так что понятие «среднее», характеризующее в том числе и средний класс, вызывает у меня определенные сомнения: слишком большие различия скрываются за этими словами.

Говоря по сути рассматриваемого вопроса, могу сказать, во-первых, что мы поставлены перед необходимостью обобщить новое видение изменившейся обстановки в нашем обществе.

В то же время я хотел бы обратить внимание, что в большинстве случаев характеристика среднего класса сводится к доходам.

Хотя я думаю, что это не совсем правильно.

Тем более что доходы, как показывает изменение социально-экономической обстановки, достаточно серьезно колеблются.

Даже по данным социологов Высшей школы экономики, за последние 7 лет количество людей, которые стали относить себя к среднему классу исходя из материального положения, уменьшилось на 10–15 процентных пунктов.

Второй момент.

Конечно, для среднего класса очень важна социально-профессиональная принадлежность.

Однако когда мы анализируем состав рабочей силы в сфере торговли или в сфере охраны труда, то мы наблюдаем такую картину.

От 15% до 30% – это специалисты самых различных профилей, которые по тем или иным причинам уже не работают по профессии, а заняты на так называемых вспомогательных, подсобных и условных видах работ.

То есть, как говорил Михаил Федорович, сама профессиональность структуры не всегда гарантирует принадлежность к среднему классу.

И еще.

Иногда все сводится к самоидентификации.

Человек сам относит себя к среднему классу.

Приведу пример из журнала «Социологические исследования».

Наши коллеги провели исследование на севере Иркутской области, где были закрыты леспромхозы, колхозы, совхозы.

Оно показало, что 60–70% опрошенных нигде не работают, потому что закрыты предприятия.

Тем не менее они отнесли себя к среднему классу.

На вопрос, почему они считают себя средним классом, социологам ответили, что, хотя они сейчас не работают ни в какой организации, они живут нормальной жизнью, не голодают.

В тайге можно охотиться, в ней они соберут грибы и ягоды, в реке наловят рыбы, в огороде вырастят картошку и при этом дышат свежим воздухом, который лучше, чем в Москве.

То есть мы видим такое очень условное представление человека о принадлежности к среднему классу.

Поэтому, на мой взгляд, сейчас идет поиск определения этой группы.

Думаю, что более точно этот поиск может быть связан с понятием «средние слои».

Да, есть высшие слои по доходам, есть средние, есть низшие.

Или можно применять определение Питирима Сорокина – «страты».

Это очень важная характеристика.

Необходимо в этом разобраться.

В связи с этим ставится под сомнение, насколько по отношению к средним слоям надо употреблять понятие «средний класс».

Это характеристика того, что при таком подходе мы получаем гораздо более точное определение людей, которые имеют соответствующее материальное благополучие, но тем не менее не могут в полной мере характеризоваться достаточно устойчивым социальным положением и попадают в социальные группы с неустойчивым положением, что называется прекариатом.

Поэтому я думаю, что нужно ориентироваться в большей мере на понятие «средние слои», «средние страты», которые дают нам возможность более точно характеризовать эту группу.

На наш взгляд, социальную структуру российского общества можно представить следующим образом.

Первый слой – это политический класс и класс экономический, который руководит нашей страной.

Второй слой – люди, которые реализуют идеи.

Это организаторы, управленцы и специалисты самого различного плана, включая и руководство экономикой, и руководство другими сферами жизни.

И третий слой – исполнители, которые реализуют то, что происходит в обществе и экономике.

И хотя часть из них имеет относительную экономическую устойчивость, многие из них (по нашим исследованиям, до 60%) имеют неустойчивое социальное положение.

Мы определяем это как прекариат.

Но это тема отдельного разговора.

Вот некоторые мои соображения по поводу сегодняшнего обсуждения.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Жан Терентьевич.

Давайте выслушаем вопросы. И потом перейдем к следующему докладу.

БЕЛЯЕВА Л.С.

д. социол. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН

В конце прошлого года в журнале «Социологическая наука и социальная практика» у меня вышла статья с довольно-таки для меня характерным заголовком – «Средний класс в России стал реальностью?».

Во время работы над статьей я постаралась ответить на этот вопрос и показать на основе собственных исследований, которые я веду уже более 30 лет, что же все-таки произошло со средним классом.

Не буду вдаваться в обсуждение тех методологических вопросов, которые были сформулированы нашим председателем Гарегином Ашотовичем и потом повторялись из выступления в выступление, из доклада в доклад.

Речь о том, какие критерии использовать при определении среднего класса в теоретическом и практическом плане.

Перейду к тому, что использовала я.

Удивительно, но интуитивно еще в 1991 году в своей первой статье в центральном журнале о средних слоях населения я предположила, что, скорее всего, надо обратить внимание на три признака.

Первый признак – самоидентификация.

Второй – уровень образования.

И третий – уровень материального благополучия.

В течение 30 с лишним лет все эти признаки я комплексно использовала при формировании группы, которая условно называлась сначала «средний слой».

Затем я перешла к общепринятой в нашей социологической литературе терминологии – «средний класс».

На каких эмпирических основаниях я проводила исследование?

Это прежде всего мониторинг, который проводился в течение многих лет в Центре изучения социокультурных изменений под руководством Николая Ивановича Лапина.

Последнее исследование 2023 года было проведено уже под моим руководством.

Начиная с 1998 года мы включили в анкету вопрос о среднем классе, а замер проводится с периодом 4–5 лет.

Анкета очень большая, она позволяет увидеть различия между социальными группами по разным показателям.

Меня интересовала более всего группа среднего класса.

Что же произошло со средним классом с 1998 года в России, если говорить о количественных показателях, полученных с применением единой методики его выделения по трем признакам?

Во-первых, самоидентификация со средним слоем.

Во-вторых, уровень образования не ниже среднего специального.

В-третьих, материальное положение, достаточное для жизни.

По шкале из шести позиций были использованы три верхних позиции.

Получается, что в 1998 году к среднему классу можно было отнести только 9% населения.

Не буду делать никаких комментариев по поводу этих критериев, они представлены в моих статьях.

Но 9% 1998 года превратились в 2015 и 2023 годах в более значительные цифры.

Если взять период с 2015 по 2023 год, рост составил 1,6 раза.

И по этим критериям численность среднего класса достигла в 2023 году 31% взрослого населения страны.

Такие темпы говорят о росте благосостояния профессиональной группы, имеющей образование не ниже среднего специального.

В первую очередь отмечается рост тех групп, которые выполняют управленческие функции.

Среди трех критериев выделения среднего класса наибольшее влияние на его рост оказало повышение дохода как всего общества в целом, так и средних доходов работников бюджетной сферы и специалистов в частном секторе.

Тут нужно учесть общемировые мнения, что выполнять роль стабилизатора общественного порядка средний класс может, если он составляет большинство населения, по крайней мере, 60% и выше.

Сейчас же он в России составляет менее одной трети граждан.

Это следует из проведенного нами исследования.

Можно сказать кратко о составе среднего класса.

Он неоднороден.

Он в разной степени обладает властными управленческими функциями или наличием бизнеса.

13% среднего класса владеют бизнесом, работают на себя, не по найму или в семейном деле.

Это данные 2023 года.

37% имеют в своем подчинении работников, что превышает показатели предыдущего измерения 2015 года.

Замечу, что большинство, а именно более 60% работников, имеют высшее и среднее специальное образование и являются специалистами.

Среди них в бюджетных организациях работает 21%, на предприятиях государственной, акционерной и смешанной форм собственности – 29%.

Не подтвердилось высказанное в научной литературе предположение, что в составе среднего класса основную долю составляют управленцы.

Наше исследование показало, что лица, входящие в средний класс, имеют отличия от остального населения по большинству социальных позиций.

В чем же заключаются эти отличия?

Прежде всего средний класс активно участвует в повышении своего собственного материального положения.

Работает дополнительно чаще, чем остальное население.

Надеются на себя в повышении своего уровня жизни и благосостояния более 90% среднего класса.

Но по многим позициям средний класс очень близок к остальному населению.

Например, последним в наше исследование 2023 года был включен вопрос о том, какой цивилизационный путь развития выбирает население.

В том числе средний класс очень близко, но немного больше, чем все остальное население, выбрал развитие России по своему собственному пути.

И надо отметить, что это характерно для всего общества.

Выбор среднего класса тут практически совпадает с выбором всего населения.

Такой выбор был сделан не только для страны, но и для себя.

Кроме того, был поставлен вопрос, насколько наше население поддерживает выбор тех лучших практик разных стран, которые можно было бы применить в России.

И здесь были получены интересные данные.

30% населения, в том числе средний класс почти с таким же показателем, готовы к тому, чтобы опыт России все-таки синтезировал все лучшее, что есть в других странах.

Хочу сделать одно замечание.

Для нас, видимо, сейчас становится острым вопросом изучение тех проблем, которые рождаются в политической сфере.

Насколько средний класс политически ориентирован?

Какие особые позиции имеет средний класс?

Мне кажется, что на этом надо в дальнейшем постараться сосредоточить внимание тех, кто занимается средним классом в нашей стране.

Тосунян Г.А.: Коллеги, еще двоим поднявшим руку предоставляю слово, и перейдем к следующему докладу. После всех докладов будет возможность выступить или задать вопросы.

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад. РАН, д. ф.-м. н., научный руководитель
Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

Спасибо.

Хочу поддержать пафос доклада Михаила Федоровича и, может быть, в чем-то его дополнить.

Вообще, осреднение, понятие среднего – одно из фундаментальных в физике.

Потому что вся наша гидродинамика, вся наша авиация рассчитывается на основе усредненных понятий.

В частности, в нашем воздухе, например, молекулы имеют разные скорости. От почти нулевых – до многих километров в секунду.

А наиболее характерной скоростью движения молекул является примерно скорость звука – 350–400 метров в секунду.

При всяком осреднении, конечно, многие детали стираются, но тем не менее оно позволяет разобраться в сути дела.

По методике Мирового банка, к среднему классу относятся домашние хозяйства, доходы которых в 1,5 раза больше, чем МРОТ...

У нас таких достаточно много, уверенно выше 70%.

Есть Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которую входят 38 стран, большинство из них – развитые экономики, в том числе 22 – члены ЕС.

Эта организация полагает, что к среднему классу, скорее всего, нужно относить обеспеченный средний класс, а именно хозяйства, которые могут купить квартиру с числом комнат по количеству членов семьи минус единица при норме 20 квадратных метров на душу и выплачивать в течение 20 лет 30% своего дохода по ипотеке.

В странах ОЭСР таких домохозяйств от 50% до 72%.

Допустим, в Исландии максимальная цифра – 72%. Остальные 28% не могут купить такую квартиру и машину не старше пяти лет.

Это те критерии, о которых упомянул Гарегин Ашотович.

Расчет по нашей стране говорит о том, что таких домохозяйств 18%.

Опрос 12 тысяч респондентов в 2013, 2015, 2022 годах дает другую цифру – 26%, примерно четверть.

Эти данные были опубликованы в газете «Коммерсант» в 2024 году.

То есть в нашей стране мала доля обеспеченных людей.

А это, как подчеркнул и Михаил Федорович, влияет на количество самоубийств, преступлений и в целом на благополучие страны.

И это очень серьезные связи.

Как неоднократно подчеркивал академик А.Г. Аганбегян, из-за того, что у нас 70% трудоспособного населения живет от зарплаты до зарплаты, оно не проявляет общественной активности.

Им не до этого.

Следует иметь в виду, что мы в Москве живем в одних масштабах обеспеченности, а вся остальная страна – в других.

А какова численность нищего населения?

По данным за 2024 год, это 12%.

И это не просто бедные, это нищие – почти 10 миллионов человек.

На самом деле это гигантская цифра.

И она среди европейских стран является уникальной.

Наконец, суммарный капитал долларовых миллиардеров.

Тут Россия впереди планеты всей.

А в более благополучных странах, например, в Китае, количество долларовых миллиардеров, отнесенное к ВВП, в три раза меньше.

Потому что у них проводится очень грамотная социально-экономическая политика.

Казалось бы, Польша находится примерно в наших природных условиях, но у них нет ни нефти, ни газа, ни других природных ресурсов.

Почему же у них все лучше?

Потому что и правительство, и глава государства, видимо, лучше разбираются в экономике.

Все-таки они вывели свою страну на траекторию нормального развития.

В результате интегрально получается следующее.

В России самые низкие подушевые доходы в Европе, в том числе ниже, чем в новых странах ЕС.

Правда, в Москве средние подушевые доходы выше, чем в Париже, Берлине и так далее.

Жители столицы часто не очень ясно представляют, в каком тяжелом положении находится наш народ.

И сейчас дошло до того, что подушевые доходы в самых бедных регионах России ниже, чем в самых бедных регионах Китая, где еще недавно преобладали нищие и остро стояла проблема питания, народ жил на грани голода.

Кстати, в Америке доля обеспеченного среднего класса падает, причем это показывают не только числовые характеристики, но и ощущения людей.

У меня есть знакомые, уехавшие в Америку, и они отмечают, что уровень жизни среднего класса там падает.

И еще одно очень интересное обстоятельство.

С ростом уровня жизни не все положительно.

Например, в Норвегии недавно отмечено, что, несмотря на большие затраты на образование (20 тысяч долларов в год на ученика), уровень знаний падает.

Падает амбициозность.

Люди не хотят к чему-то стремиться.

В целом, на мой взгляд, не нужно критиковать понятие среднего. Каждое среднее имеет свою область применения.

Поэтому я предлагаю использовать понятие именно обеспеченного среднего класса.

Не того, который имеет полтора дохода по минимальным возможностям прожить в этой стране, а по уровню обеспеченности.

Почему у нас такие низкие доходы?

Это же длится уже почти 30 лет.

Наша наука на этот счет очень часто рассуждает абстрактно.

Вообще-то, люди должны возмущаться, в том числе и ученые. Должно быть осознание, что нельзя терпеть это столько лет.

Это же путь в никуда.

Все-таки правительство и руководство нашей страны должны обеспечивать приемлемый уровень материального благосостояния более значительной части населения, чем сегодня.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий эксперт Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

Добрый день, коллеги!

Благодарю. С большим интересом выслушал предшествующие выступления и хотел бы сказать несколько слов по этой теме.

Действительно, понятие среднего класса оказывается вне основных стратификаций и классификаций социальных групп.

Но вместе с тем оно используется очень часто, и очевидно, что несет вполне значимую смысловую нагрузку, причем не только теоретическую, но и практическую.

Мне хотелось бы обратить внимание на один показатель, как мне кажется, важный для понимания среднего класса, при этом не исключаяющий все прочие.

Хотя, как мы видим, критерии разнообразные, и не всегда легко выделить ведущий. Даже уровень дохода не всегда является для этого достаточным.

Этот показатель – показатель стабильности. Почему?

Во-первых, сама традиция понимания среднего класса связывает его со стабильностью общества.

Средний класс рассматривается как основа стабильного общества. Это традиция, восходящая к Аристотелю.

Здесь средний класс, чуть позже об этом скажу, не просто масса не бедных, но и не очень богатых людей.

Здесь нужны еще другие характеристики.

Второй момент заключается в том, что чем более стабильно общество, тем больше средний класс.

И мы видим по выступлениям, что с ростом стабильности в России растет и численность среднего класса.

Наконец, в-третьих, стабильность – это важная характеристика для понимания самого среднего класса.

Мало указать на уровень дохода, мало указать на уровень образования.

Важно, чтобы эта группа была достаточно стабильной по своему образу жизни, по своему образу существования и ощущала себя таковой.

То есть у ее представителей должно быть ощущение стабильности, дающее ей возможность причислять себя к этой группе.

Что такое стабильность?

Недаром в древности и в дальнейшем эту группу связывали не только с доходом, но и с определенным имуществом, возможно, даже с цензом оседлости.

Это связано и с другими характеристиками, которые показывают, что это не просто определенный доход, полученный в ограниченное время, но это характеристика, которая определяет образ жизни и существования целой группы людей, которая играет в обществе роль стабилизатора, основы некой преемственности в развитии, воспроизводство основных социальных образцов.

И это, конечно же, сегодня имеет существенное значение для России.

Потому что стабилизация положения в обществе и стабильность развития действительно, как справедливо говорили выступающие, зависит от среднего класса, от его численности и устойчивости, от его политического значения и веса.

Спасибо большое.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., проф., заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Коллеги, не могу не высказать одну реплику.

Кафедра труда и социальной политики РАНХиГС – единственная кафедра в стране, которая занимается социальной политикой.

С этой точки зрения мы, конечно же, занимаемся проблемой того, что сегодня называется средним классом.

Первое замечание.

Понятие «средний класс» абсолютно литературное.

Я полностью согласен с теми, кто поддерживал эту идею.

Никакого отношения ни к классовой структуре общества, по Марксу, ни к понятию середины – потому что нет критериев этой середины – оно не имеет.

Наша точка зрения такова.

Средний класс, безусловно, в том виде, как мы его понимаем, безотносительно к названию, имеет право на жизнь.

С какой позиции он имеет право на жизнь?

Любая социальная политика со стороны государства заключается в обеспечении сплоченности общества.

Если рассматривать существование среднего класса и его расширение как принцип сплоченности общества, то мы упираемся в понятие средних социальных стандартов.

Без понятия стандартов это все не имеет никакого смысла.

Когда мы говорим о минимальных социальных стандартах, то настраиваем социальную политику общества на борьбу с бедностью и на все, что с этим связано.

Мы стремимся, чтобы было меньше бедных.

Когда мы говорим о средних социальных стандартах и стремимся к их достижению, то полностью меняем всю социальную политику.

То есть для нас это определенные социальные стандарты.

Тогда возникает вопрос: что это за социальные стандарты?

Это социальные стандарты качества жизни большинства населения.

Что понимать под качеством жизни?

Сюда можно включать разные понятия.

Они меняются, они динамичны, но в то же время они имеют определенную стабильную часть.

И тогда разговор идет совсем о другом, а именно о том, каким образом социальной политике достичь средних социальных стандартов.

Вернее, каким образом обеспечить расширение средних социальных стандартов в обществе.

Тогда все исследования, конечно же, получают определенное содержание и определенную направленность.

Мне кажется, взгляд на это понятие с точки зрения социальных стандартов – единственно правильный.

Спасибо.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр.

Я немного добавлю.

Во-первых, я против того, чтобы использовать в определении среднего класса субъективные критерии.

Это нормально, когда человек определяет себя как средний, потому что это напрямую соотносится с его самооценкой.

А что он скажет?

Я нищесброд?

Или – я велик, я олигарх?

Что он должен сказать, когда мы спрашиваем его, к какой группе он относится?

Нельзя, как мне кажется, так задавать вопрос.

Потому что нашу собственную методологическую задачу мы перекладываем на плечи респондента и просим его определить, что такое средний класс.

В любом исследовании это не совсем приемлемая вещь.

Я помню, в 90-е годы Фонд общественного мнения представил в Институте социологии доклад, посвященный социальной структуре общества.

У них получалось, что по критерию субъективного самоотношения 70% населения – это средние слои, средний класс.

А чего, собственно, мы ожидали?

Так и должно было быть.

Это первое.

Второе.

Я совершенно согласен с Вячеславом Николаевичем.

У нас с ним получаются очень похожие цифры, просто у него другой ракурс зрения.

Мы тоже считаем и квартили, и децили, и все остальное.

Но наша задача – все-таки создавать некоторую операциональную категориальную среду для описания текущего состояния российского общества.

Поэтому мы используем вот эти категории типа среднего класса.

Что касается данных, например, по доходу, которые использует Вячеслав Николаевич, то это можно делать, и это делается.

Но уж очень разные у нас регионы, поэтому мы используем критерии самоотнесения.

Вот такой короткий комментарий.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Думаю, социологам очень интересно задавать вопрос про самооценку.

Вы говорите, что людям, отвечая на ваши вопросы, трудно оценить себя объективно.

Но очень интересно, как человек себя ощущает, в состоянии ли он вообще ответить на этот вопрос и задумывается ли он над этим.

С моей точки зрения, конечно, вам, профессионалам, виднее. Но этот вопрос имеет право на жизнь.

Он не является критерием определения и статистической оценкой. Но всегда очень интересно посмотреть на эту самооценку, пусть она и затруднительна.

Черныш М.Ф.: Да. Но тогда уже получается, как у Жана Терентьевича: поймал хорошую рыбу, тайменя, пожарил ее – средний класс.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Коллеги, второй вопрос повестки дня посвящен исследованию религиозности.

Он у нас называется «Структура и динамика верований в нашей стране: сравнительный анализ 1998 и 2024 годов».

Докладчик – Юлия Борисовна Епихина, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Считаю, что этот вопрос все-таки связан с проблемами религиозности.

Не являясь экспертом в этом вопросе, тем не менее, предваряя выступление докладчика, хотел бы сказать несколько слов.

Думаю, многие согласятся с тем, что вера должна в значительной степени нести в себе объединяющее начало.

Это объединяющее начало определяется общими ценностями, моральными нормами.

Вера не только объединяет по ценностным основаниям, но и помогает справиться с жизненными трудностями, пережить утраты.

Может быть, я немного уйду от темы, но тем не менее хочу обратить внимание, что в этом направлении очень много сделано нашими коллегами, в частности, нашим сопредседателем – академиком Гусейновым. Его идеи, которые касаются соотношения культуры и религии, заслуживают серьезного внимания.

В своих работах Абдусалам Абдулкеримович отмечает, что культура и религия тесно взаимосвязаны. И культура влияет на формы религиозного выражения.

Религия в свою очередь формирует и укрепляет определенные культурные нормы и ценности.

Очень важно, что радикальные религиозные взгляды могут вести к разобщению людей, тогда как диалог и толерантность, наоборот, помогают укреплять взаимопонимание и сотрудничество.

В современных условиях это важно, причем не только в рамках нашей страны, но в целом в мировой системе. Поэтому я хочу обратить внимание на то, что этому посвящено очень много работ наших коллег.

У Абдусалама Абдулкеримовича есть работа «Культура и религия: диалог или конфронтация»¹¹, в которой он исследует, как эти сферы взаимодействуют и где, когда возникает напряжение.

Или работа Р.Н. Лункина «Религиозные ценности в секулярном обществе»¹².

Кстати, советская система фактически претендовала на эту секулярность, потому что там не доминировала религия. Аналогичные проблемы проанализированы в вышеназванной работе.

Или работа коллектива ученых «Этика и толерантность: культурное и религиозное измерение»¹³.

Работа посвящена тому, как избегать радикализма и строить более толерантное общество.

Очень важно обращать внимание на работы наших современных классиков, особенно на те, которые касаются толерантности.

¹¹ Гусейнов А.А. Диалог культур: возможности и пределы // Первые Международные научные чтения памяти Д.С. Лихачева «Диалог культур и партнерство цивилизаций»: материалы конф., Санкт-Петербург, 14–15 мая 2008 г. — СПб.: Фонд им. Д.С. Лихачева, 2008. — С. 65–70.

¹² Лункин Р.Н. Религиозные ценности в секулярном обществе // Современная Европа. — 2017. — № 6 (78). — С. 156–158.

¹³ Баева Л.В., Подвойский Л.Я. Этика и культура толерантности. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. — 192 с.

Абдусалам Абдулкеримович в этом смысле не только теоретик толерантности. Он эту толерантность демонстрирует на практике.

Очень важно, когда слова не расходятся с делом, когда теории реализуются в жизни.

Есть и другие примеры работ, например, того же Жан-Жака Руссо, который выступал с блестящими идеями, а в быту и жизни был человеком, мягко говоря, весьма своеобразным и не самым приятным.

Я солидаризируюсь с академиком Андреем Вадимовичем Смирновым, который является признанным специалистом в вопросах религии – в частности, в арабо-мусульманской философии.

В мае прошлого года он выступал на нашем заседании по цивилизации и говорил, что важно там, где, казалось бы, есть противоречия, находить общие ценности, которые являются объединяющим мотивом.

Смысл его анализа сводился к тому, что каждый имеет право на свои культурологические особенности. Но не для противопоставления и радикализации вражды, а наоборот, для «мирного сосуществования».

Помните, такой термин употреблялся в советский период?

Есть другая крайность – когда вера радикализуется и становится инструментом продвижения политических, бюрократических или личных интересов.

Такое случается в разных обществах, особенно в авторитарных, тиранических, деспотических.

Кстати, академик Смирнов, комментируя арабо-мусульманскую философию, говорил, что это в нашем понимании она является источником какого-то радикализма, а на самом деле она несет много позитивных начал.

Например, она не выстраивает жесткую иерархию, там нет культа чинопочитания, и все гораздо гибче.

Поведение людей верующих, в моем представлении, должно быть образцом для подражания, с высокой степенью скромности, аскетизма и с минимумом агрессии. Точнее, вообще без агрессии, насколько это возможно.

Избыточная помпезность, показушность глубоко противоречат духовности и Богу.

В таком контексте среди христианских религий я хотел бы выделить протестантскую веру, она особенно отличается значительной не показной скромностью.

Она наименьшим образом подвержена церковной бюрократии, которая от имени религии довольно часто пытается навязать некие якобы единственно правильные каноны и стили поведения.

В протестантизме главным является личная вера в Бога, то есть связь между человеком и Богом, которая не требует посредников.

Можно также отметить и буддизм, который отличается в значительной степени отсутствием агрессии, особой лояльностью, мягкостью, состраданием.

Поэтому духовная сфера, мне кажется, это святая святых для думающих, разумных людей.

Все это корреспондирует с тем, о чем уже шла речь применительно к среднему классу.

Уровень благополучия прямо пропорционален уровню толерантности, сдержанности и эмпатии, когда люди мыслят и действуют примерно на одном уровне.

Испытания, которые посылаются нам Господом Богом, которые мы определенным образом переживаем в своей жизни, как и сама жизнь, — это своего рода проверка, на что мы готовы, на что способны и чего мы стоим.

Думаю, что каждый из нас это ощущает и осознает.

Понимаю, что мои условно-религиозные отвлечения в научном обсуждении вроде бы кажутся неуместными. Иногда меня могут покритиковать за это, не напрямую, но мысленно.

Но я полагаю, что, когда мы касаемся вопросов веры, невозможно все доподлинно рационализировать и свести к формулам и научным догмам.

Тем не менее такие исследования есть, они важны, интересны с точки зрения и науки, и религиоведения.

Давайте заслушаем доклад «Структура и динамика верований россиян: сравнительный анализ 1998 и 2024 годов».

С удовольствием предоставляю слово Юлии Борисовне Епихиной.

ДОКЛАД 2

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ВЕРОВАНИЙ РОССИЯН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 1998 И 2024 ГОДОВ

Хочу поблагодарить Гарегина Ашотовича за такое хорошее вступление, потому что оно поможет мне расставить акценты и подчеркнуть направления того исследования, результаты которого я представляю.

В этом исследовании речь идет не столько о религии, не столько о связи культуры и религии, сколько именно о верованиях россиян.

Выбор этой темы связан с двумя обстоятельствами.

Первое – это состояние исследовательского поля в российской социологии, в котором основной фокус делается на изучении религиозности, измерении степени религиозности, дифференциации разных групп россиян по степени религиозности, поисках критериев и так далее.

Наряду с этим очень много внимания уделяется изучению различного рода ценностей и ценностных ориентаций, установок россиян в разных сферах социальной жизни, по различным вопросам.

И гораздо реже ставится вопрос о том, во что россияне верят.

Когда мы говорим о религиозности, то на самом деле слабо представляем содержание этой веры.

Когда изучаем ценности, упускаем из виду их мировоззренческие основания.

И второе обстоятельство связано с тем исследованием, о котором говорил Михаил Федорович.

Анализ, результаты которого я буду представлять, проводился на базе данных двух опросов.

Первый из них – это продолжение того исследования, которое было начато Эриком Олином Райтом в 1990 году.

Вторая волна пришлась на 1998 год.

Это был опрос по месту жительства, который проводился осенью-зимой по случайной стратифицированной общероссийской выборке.

Общий объем опрошенных составил 2 500 респондентов.

И второй опрос – это опрос прошлого года, который проводился на основе онлайн-панели, было опрошено 7 563 респондента.

В обоих исследованиях мы задавали вопрос: «Во что из нижеперечисленного списка вы верите?»

В анкете было представлено 16 верований, веру в которых россияне оценивали по трехбалльной шкале: «Верю»; «Частично да, частично нет»; «Не верю».

Списки вопросов в 1998 и 2024 годах практически повторяют друг друга.

Однако при подготовке опроса в 2024 году мы внесли несколько изменений в инструментарий.

Во-первых, скорректировали формулировку одного из верований: вместо «марксизма» в 2024 году мы спрашивали о вере в коммунистическое будущее человечества.

Во-вторых, добавили три новые позиции.

Однако для обеспечения сопоставимости в таблице на Рисунке 6 показаны только те 16 верований, которые присутствовали в обоих опросах.

Вы видите, что верования помечены разными шрифтами, которые говорят либо о стабильности, либо об изменчивости верований.

Жирным шрифтом отмечены те верования, по которым если и есть колебания, то они незначительны. Выделенные курсивом – это те верования, по которым произошли резкие изменения в прибавлении веры.

Во что верят россияне? (совокупная доля ответивших «Верю» и «Частично да, частично нет»)

Верование	1998	2024
<i>Народная медицина</i>	85,6	76,8
Приметы	68,9	67,0
Предназначение, рок	54,2	54,3
<i>Божья кара за грехи</i>	48,4	63,2
<i>Астрология</i>	45,9	51,1
<i>Рай</i>	38,7	54,7
<i>Нечистая сила</i>	38,4	48,9
<i>Ад</i>	38,0	48,9
<i>НЛО</i>	36,4	46,1
Экстрасенсорное целительство	33,5	36,2
<i>Внеземные цивилизации</i>	32,5	50,9
<i>Телепатия</i>	32,5	40,5
<i>Магия</i>	31,8	42,4
<i>Международный заговор против России</i>	28,8	51,5
<i>Второе пришествие Христа</i>	27,5	33,1
Марксизм/ Коммунистическое будущее человечества	15,4	18,9

Рис. 6

Как следует из представленной таблицы, в международный заговор против России стало верить практически в 2 раза больше россиян.

Увеличилась доля верующих в магию, нечистую силу и так далее.

Распределение ответов респондентов стало основой для поиска структуры верований.

Задача состояла в том, чтобы выявить, какие кластеры, какие комплексы представлений формируют эти верования – как они группируются между собой.

В 1998 году структура верований была представлена четырьмя кластерами.

Первый из них, который можно назвать религиозным, объединяет в себе веру во второе пришествие Христа, Божью кару за грехи, нечистую силу, рай и ад.

Это гармоничный, внутренне согласованный комплекс христианских верований.

Второй кластер я назвала эзотерическим.

Он собрал верования, связанные с паранормальными феноменами: НЛЮ, астрология, экстрасенсорное целительство, магия, телепатия.

Третий кластер можно обозначить как кластер народных верований.

Он объединяет народную медицину, веру в приметы и предназначение.

Как говорит пословица: «Жизнь – копейка, судьба – индейка».

Последний кластер соединил марксизм и веру в международный заговор против России.

Как изменилась структура верований за 26 лет, разделяющих оба исследования?

Что мы наблюдаем в 2024 году?

Эти изменения представлены двумя разнонаправленными тенденциями.

Первая заключается в том, что основные кластеры сохранили свою устойчивость.

Мы по-прежнему видим религиозный кластер, эзотерический кластер и кластер народных верований, объединяющий народную медицину и приметы.

Вторая тенденция – трансформация.

Произошла существенная реконфигурация содержания кластеров.

Религиозный кластер упростился, потеряв важный христианский догмат о вере во второе пришествие Христа.

Теперь это в большей степени вера в справедливое воздаяние: есть Божья кара за грехи, есть рай и ад.

Кластер народных верований стал более инструментальным. Из него ушла метафизика предназначения, остались практические решения, связанные с народной медициной и приметами.

Эзотерический кластер тоже содержательно упростился. Из него ушла технологически нагруженная часть, представленная внеземными цивилизациями, НЛО.

Конспирологический кластер, напротив, укрепился. К вере в заговор против России добавились технологические угрозы в виде веры в опасность вакцинации и мирового правительства.

Появился новый кластер, я его назвала эсхатологическим, который объединил в себе веру и во второе пришествие Христа, и в коммунистическое будущее человечества.

Таким образом, подводя итог изменениям, произошедшим в верованиях, стоит подчеркнуть реконфигурацию кластеров, которая заключается, с одной стороны, в упрощении содержания верования, с другой – в большей специализации и функционализации этих верований.

Как распределялись кластеры? (Рис. 7)

В 1998 году половина верований относилась к кластеру народных верований, он вобрал в себя 50% респондентов.

Вторым по величине был религиозный кластер (32%).

Эзотерический кластер охватывал 12,5%, конспирологический – 5,5%.

К 2024 году картина существенно изменилась.

Религиозный кластер увеличился до 47%, став крупнейшим кластером.

Кластер народных верований немного сократился – до 40%, но остался вторым по величине.

Конспирологический кластер увеличился до 8,6%.

Эзотерический кластер практически исчез, его доля стала минимальной.

Новый кластер, эсхатологический, составил 1,5%.

Главные изменения коснулись двух крупнейших кластеров.

Произошла функциональная специализация: религиозный кластер упростился до базовых представлений о воздаянии, а народные верования стали более инструментальными, ориентированными на практическое применение.

При этом содержательно сложные верования – эзотерика и эсхатология – оказались вытеснены на периферию.

Единственным исключением стал конспирологический кластер, который, напротив, укрепился.

Для того чтобы понять, каким образом эти структуры верований связаны с социальными характеристиками, каким был социальный состав приверженцев этих верований, я построила модель бинарной логистической регрессии для каждого кластера.

Соответственно, зависимая переменная – это переменная, указывающая на принадлежность к кластеру.

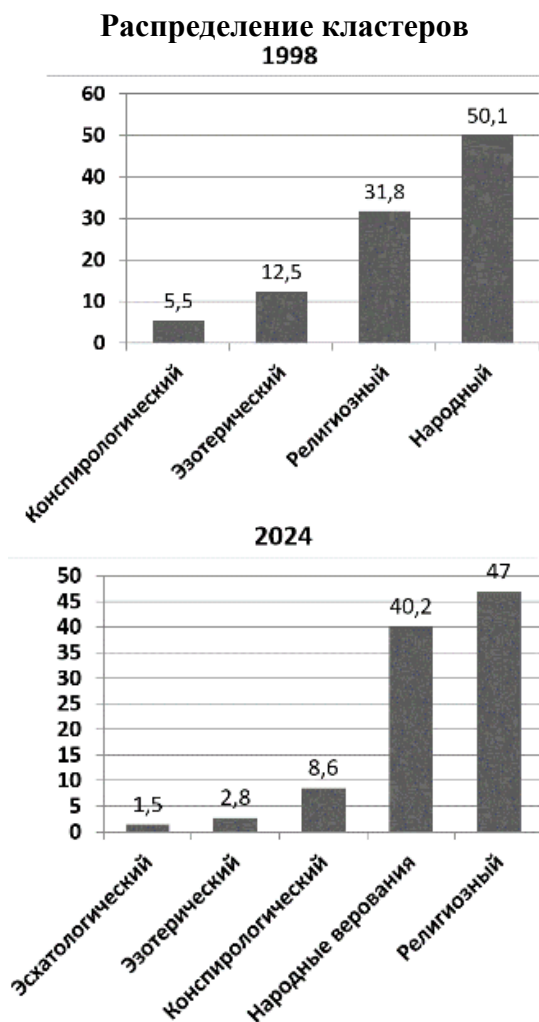

Рис. 7

Независимые переменные включали несколько блоков.

Социально-демографические: пол, возраст, квинтили личного дохода, тип поселения, уровень образования.

Религиозные характеристики представлены только одной переменной – самоидентификацией респондента как верующего человека.

Есть различия в переменных, характеризующих субъективные оценки материального положения.

В 1998 году мы спрашивали об изменении материального положения, в 2024 году заменили этот вопрос на вопрос об удовлетворенности текущим материальным положением.

Все остальные переменные идентичны в обоих опросах.

Что же происходит с социальным составом?

Как он изменился в каждом из кластеров?

Народный кластер, или кластер народных верований, который в 1998 году насчитывал 50%, сократился в 2024 году до 40%.

В 1998 году носителями народных верований были преимущественно пожилые люди – возраст удваивал вероятность принадлежности к этому кластеру.

Это были жители малых городов и сел, причем не считающие себя верующими.

Важной характеристикой этого кластера было острое восприятие изменения материального положения, причем независимо от его направленности – в лучшую или худшую сторону.

Сам факт того, что оно нестабильно, вызывал своего рода фрустрацию.

В 2024 году этот кластер сохранил основные характеристики – возраст и секулярность.

К нему стало относиться больше женщин, чем мужчин, причем женщин образованных.

Наряду с этим исчезла связь с материальным положением и типом населенного пункта.

То есть если в 1998 году в народную медицину, в приметы и в предназначение судьбы верили пожилые люди, проживающие в сельских населенных пунктах или малых городах, не идентифицирующие себя с верующими и болезненно воспринимающие нестабильность материального положения, то в 2024 году – неверующие, хорошо образованные пожилые женщины.

Доля религиозного кластера увеличилась с 31% в 1998 году до 47% в 2024 году.

В 1998 году это были люди малообразованные, которые идентифицировали себя с верующими.

Повышение уровня образования снижало вероятность принадлежности к кластеру.

Это был единственный кластер, где изменение материального положения в лучшую сторону существенно увеличивало шансы на принадлежность к этому кластеру.

Важно отметить противоречие, свойственное этому кластеру в 1998 году.

Притом что кластер объединял людей, которые положительно оценивали изменение своего материального положения за 10 лет, они пессимистично оценивали материальные перспективы.

За исключением самоидентификации и уровня образования, к 2024 году социальная основа этого кластера изменилась существенно.

Хотя по-прежнему религиозность и низкий уровень образования существенны для принадлежности к этому кластеру, но теперь это молодежь, и связь с субъективной оценкой материального положения исчезла полностью.

Таким образом, произошел поколенческий сдвиг: от пожилых верующих с улучшающимся материальным положением – к молодым верующим, для которых экономический фактор больше не значим.

Эзотерический кластер, пожалуй, демонстрирует самую драматическую динамику: с 12,5% в 1998 году он сократился до 3% в 2024 году.

В 1998 году он в основном был представлен женщинами молодого возраста, неверующими, которые оценивали изменение своего материального положения в худшую сторону, но надеялись на лучшее.

То есть в отношении материального положения этот кластер представлял зеркальную противоположность религиозному кластеру.

Если в том случае – улучшение положения при пессимизме относительно будущего, то у эзотерического кластера – наоборот, ухудшение при оптимизме.

К 2024 году этот кластер практически распался.

Показатели качества модели крайне слабые: R^2 составляет всего 5%, социальная структурированность практически отсутствует.

Это навело меня на предположение о том, что эзотерический подъем был своего рода поколенческим феноменом, привязанным к конкретному историческому периоду – распаду СССР и связанному с ним кризису идентичности.

Поколение молодых женщин, составлявших социальную основу кластера в 1998 году, повзрослело, их мировоззрение трансформировалось.

А новое поколение не воспроизвело эту модель верований, так как исторический контекст изменился, социальные предпосылки для массовой эзотерики исчезли.

Эзотерика из массового явления превратилась в маргинальную практику.

В отличие от эзотерического, конспирологический кластер нарастил свою долю, что тоже можно считать интересным явлением.

В 1998 году в него входили мужчины старше 50 лет, проживавшие либо в крупном, либо в среднем городе и не считавшие себя верующими.

Им была присуща субъективная оценка своего материального положения как нестабильного.

В 2024 году это тоже мужчины, тоже неверующие.

Но социальный профиль кластера изменился в отношении уровня образования: это уже мужчины высокообразованные.

При этом проблемы в материальном положении сохранились.

Если эти результаты соотносить, например, с тем, что говорил Михаил Федорович о значении и роли образования, квалификации в среднем классе, которая не приносит той отдачи, которую должна бы приносить, то эта ситуация фрустрации как раз является той социальной основой, которая формирует такой конспирологический кластер.

Он ищет объяснение причин того, почему все идет не так, как должно быть.

Наконец, эсхатологический кластер, который появился только в 2024 году.

Это на самом деле тоже очень интересное явление, потому что в 1998 году, несмотря на трудности, эсхатологии не было.

Эсхатологический кластер как совокупность верований сформировался к 2024 году.

Это очень маленький кластер, всего 1,5%.

В пересчете на выборку это 87 человек.

Но кластер очень хорошо структурированный, о чем свидетельствуют показатели качества модели.

Это мужчины, проживающие в столицах или городах-миллионниках, которые идентифицируют себя как верующие.

Подводя итоги сравнительного анализа данных 1998 и 2024 годов, можно утверждать, что трансформация структуры верований и их социальной базы хорошо иллюстрирует теорию аномии Эмиля Дюркгейма.

В условиях нормативного институционального хаоса верования становятся компенсаторным механизмом, при помощи которого люди ищут опору там, где рушатся привычные социальные структуры.

Поэтому структура верований 1998 года выглядит как поиск спасения в той ситуации развала, которую переживала страна.

Не случайно в большинстве кластеров наблюдается очень сильная связь не просто с субъективной оценкой материального положения, но и с его нестабильностью, изменением в лучшую или худшую сторону.

Верования тогда предлагали разные способы совладания с хаосом.

Каждый тогда спасался, как мог: кто молился Богу, кто соблюдал приметы, кто разбирался с международными заговорами.

К 2024 году происходит своего рода переход от Дюркгейма к Макс Веберу, своеобразная рационализация иррационального.

Но рационализация тоже очень интересная.

Формально доля верующих выросла с 50% до 72%.

Но содержание этой веры радикально изменилось.

В большинстве кластеров отсутствует самоидентификация с верующими людьми.

Отсутствие этой самоидентификации относится как раз к базовым социальным характеристикам их представителей.

В трех кластерах из пяти отсутствует религиозная самоидентификация: это верование без божества, секулярная иррациональность.

Исчез фактор материальной нестабильности.

Его заменила образовательная дифференциация: уровень образования стал значим для трех кластеров.

Появилась гендерная специализация.

Наблюдается мужское доминирование в содержательно сложных кластерах (конспирология, эсхатология).

И женское доминирование – в инструментальных (народные верования).

Произошла функционализация духовности.

От верований как поиска спасения – к прагматическим сервисам в условиях стабильного капитализма.

Это основной вывод.

От верований как потребности экзистенциальной – к рынку духовных услуг, где каждый может выбрать верование под конкретную задачу.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое.

Коллеги, пожалуйста, обратимся к вопросам.

Жан Терентьевич, Вам слово.

чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

Тощенко Ж.Т.: Спасибо за интересный доклад.
У меня два вопроса.

Первый.

Появились ли новые верования за эту четверть века, которые, возможно, ранее были единичными, а сейчас приобрели статистическую значимость?

И второй.

Все ли эти верования можно отнести к мистике, или только часть из них?

То есть меня интересует соотношение верований и мистики.

Епихина Ю.Б.: Спасибо большое за вопросы, Жан Терентьевич.

По поводу первого – появились ли новые верования?

Задача исследования заключалась в том, чтобы отследить динамику: какие изменения произошли с российским обществом, в том числе в духовной сфере, за время, разделяющее исследования 1998 и 2024 годов.

Ввиду этого при формировании исследовательского инструментария мы ориентировались на максимальную сопоставимость данных, конечно, внося те корректировки, которые связаны с произошедшими изменениями.

Поэтому в последнем исследовании мы практически повторили вопрос 1998 года.

Безусловно, в плане различных практик появились новые верования.

Но в перечне верований, который мы использовали, они не отражены.

Что касается второго вопроса.

Не все верования имеют мистическую основу.

Народная медицина – вполне конкретная инструментальная практика: травы, настои.

В таком же – инструментальном – ключе могут рассматриваться и приметы.

Любые представители уфологии будут настаивать на том, что никакой мистики в их вере тоже нет.

И они готовы привести разные научные доказательства того, во что они верят.

Что касается телепатии, то в 1920-х годах проводились серьезные исследования возможностей передачи мыслей на расстоянии, что некоторые исследователи, например, связывают с последующими разработками отечественного Интернета.

Поэтому, конечно, не все верования имеют мистическую основу.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вы несколько раз затронули уфологию.

Скажите, пожалуйста, какой процент людей верит во внеземные цивилизации?

Почему Вы с таким скепсисом об этом говорите?

Епихина Ю.Б.: Сейчас в НЛО верят 46%.

А во внеземные цивилизации – 51%.

к. филос. н. ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И.

к. филос. н., доцент по специальности «Онтология и теория познания», старший научный сотрудник сектора философских проблем творчества Института философии РАН

Ярославцева Е.И.: Как гипотеза, возможно, не без этого.

Многие стали фантазировать не просто в свое удовольствие, но как бы специально экспериментируют над собой и над природными закономерностями, которые не входят в их личностное пространство, позволяя им создать нечто «новое».

Например, они удовлетворяются своим кругозором и предлагают считать Землю плоской, а что дальше этого – не важно.

Я хотела бы задать вопрос о дифференциации.

У нас религиозные верования, связанные с церковью, остались в стороне.

А могут ли внедряться и распространяться верования, связанные с такой свободной дифференциацией, когда каждый человек верит во что хочет?

Есть ли в них какая-то особенность, которая умножает или сокращает их?

Или каким образом, на какой основе они возникают?

В принципе, это как некоторое рациональное или нерациональное сознание...

И почему в Ваш список не вошла гомеопатия?

Это тоже очень проблемная область, которую не знают, к чему отнести.

Епихина Ю.Б.: Спасибо большое.

Начну с гомеопатии.

При адаптации инструментария 1998 года мы с коллегами активно это обсуждали.

Это и в дополнение к ответу на вопрос Жана Терентьевича по поводу появления новых верований.

Действительно, за 26 лет возникло множество новых феноменов: гомеопатия, нутрициология, карты Таро, нумерология, аюрведа... Список может быть бесконечным.

Отталкиваясь от стоявшей перед нами исследовательской цели, мы придерживались определенной линии воспроизводства – повторение списка для того, чтобы была возможность уловить значимые изменения.

Что касается новых явлений, если я правильно поняла Ваш вопрос, то речь идет о влиянии информационного поля.

Ярославцева Е.И.: Как гипотеза, возможно.

Епихина Ю.Б.: Когда мы с коллегами обсуждали ту кластерную структуру, о которой я рассказывала, одна из гипотез как раз заключалась в том, что это не столько кластеры верований и это не отражение состояния массового сознания с точки зрения верований.

Скорее, это отражение состояния информационного поля: люди верят в то, что им доступно.

К сожалению, проверить это предположение на наших данных невозможно, потому что в опросе 2024 году вопроса о медиапотреблении, о том, какие источники массовой информации использует респондент, не было.

Можно предположить, что распространение Интернета, развитие цифровых технологий и так далее оказали свое влияние на структуру верований.

Но на самом деле – нет.

Например, эзотерический кластер, объединивший магию и астрологию, которые сейчас так популярны, и об этом пишут телеграм-каналы, составляет всего 2,5%.

Это не так много.

чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

Касавина Н.А.: У меня два небольших вопроса.

Один – по методике, другой – по оценке этих результатов.

Первое. Мне интересно: указанный спектр верований был выявлен в результате баланса открытых и закрытых вопросов, когда респонденты могли и сами определять свои верования?

И что было интересного найдено именно через открытые вопросы – как результат самоидентификации?

Второй вопрос.

На одном из наших заседаний, когда затрагивалась тема религии, я упоминала о термине «культурная инсценировка».

Его ввел в свое время известный советский и российский социолог Леонид Григорьевич Ионин, который анализировал общественное сознание и культурную ситуацию в России в 90-е годы.

Он подчеркивал, что в этот период утраты устойчивости и определенности идеологии люди столкнулись с некоторым ценностным, экзистенциальным вакуумом.

И обнаружился выраженный рост разного рода верований: эзотерика, мистицизм, Кашпировский и так далее.

Потом казалось, что эта ситуация выравнилась в сторону большей рационализации.

То есть это было преодолено, поскольку на такого рода массовые проявления можно смотреть как на проблемы культурной и социальной идентичности.

А по результатам исследования оказывается, что это никуда не ушло, и даже выросло.

Тогда что Вам ближе?

Смотреть на это с критических позиций, означающих, что остались или, может быть, даже усугубились проблемы экзистенциального вакуума и ценностной неустойчивости?

Или, напротив, смотреть на это с принимающих позиций, ведь через самые разные верования у человека есть возможность преодоления каких-то травматических состояний или неуверенности, неустойчивости?

Что Вам ближе как исследователю?

Епихина Ю.Б.: Спасибо. Очень глубокий вопрос.

Наверное, начну с более простого – с первого, по поводу методики.

Это были закрытые вопросы в обоих исследованиях.

Респонденту предлагался фиксированный список позиций, и он оценивал степень своей веры по трехбалльной шкале: «Верю»; «Частично да, частично нет»; «Не верю».

Открытых вопросов не было.

В данном случае мы поступили дисциплинарно, если использовать термин Фуко.

Что касается второго вопроса.

Последние публикации показали, что никакого вакуума, о котором говорил Леонид Григорьевич Ионин, не было.

Новейшие исследования поздней советской культуры показывают присутствие эзотерического в секулярной и атеистической советской культуре.

Йогические практики, альтернативные методы оздоровления, та же самая телепатия, следы которой можем обнаружить в комедии Гайдая про сдачу экзамена, – все это было.

Другое дело, если я правильно понимаю, Ваш вопрос как раз касается того, как можно объяснить наблюдаемые изменения в верованиях.

Когда я приступала к анализу, я отталкивалась от тезиса Адорно о том, что чем больше капитализма, тем больше иррациональности.

Но данные показали иное – функционализацию, инструментальную рациональность, по Веберу.

Поэтому я думаю, что здесь одной теоретической перспективы недостаточно. Более продуктивным будет синтез нескольких теорий.

Например, марксистская перспектива будет очень хорошо работать.

Развитие капитализма приводит к коммодификации, в том числе и в духовной сфере.

Была экзистенциальная потребность в верованиях как спасении.

Теперь спасение не нужно.

Нужны духовные услуги? Пожалуйста. Хотите – народная медицина, хотите – астрология, хотите – рай и ад, хотите – еще что-то для психологического комфорта.

С другой стороны, непонятно, что делать с межпоколенческим изменением, которое мы наблюдали в отношении эзотерического кластера верований и которое не объяснить, оставаясь в рамках марксистской перспективы.

Поколение повзрослело – и он исчез и не воспроизвелся никак.

Дополнительно возникает вопрос: а как появилась эсхатология?

Думаю, нужно искать такие объяснения тем изменениям, которые мы наблюдаем, на стыке разных теоретических оснований.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, у меня просьба: короткие вопросы – короткие ответы, потому что мы должны перейти к третьему докладу.

Пожалуйста, академик Угрюмов Михаил Вениаминович.

акад. УГРЮМОВ М.В. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

Угрюмов М.В.: Спасибо большое.

У меня сложилось такое впечатление, что по мере развития науки и повышения культурного уровня в обществе количество верований или непонятных явлений фактически резко сокращается.

Это первое.

Если так, то можем ли мы спроецировать такое расхожее бытовое понятие верований на термин «рабочая гипотеза» и говорить о том, что фактически мы выдвигаем рабочие гипотезы?

Скажем, Бог есть или нет?

Одна рабочая гипотеза – «Есть», другая – «Нет».

И в процессе этого доказывается, что одна рабочая гипотеза верна или преимущественна.

Помните, был замечательный фильм «Берегись автомобиля»?

И там герой продавал священнику автомобиль. Получив всю сумму однорублевыми купюрами, он возмущился и поинтересовался у священника, не на пожертвования ли прихожан тот покупает и при этом верит в Бога. А в ответ услышал, что в Бога верят все, но одни верят в то, что он есть, а другие – в то, что его нет...

Это и есть не что иное, как наука и рабочая гипотеза.

Это первое, что я хотел сказать.

А другой, более прагматичный вопрос, который, наверное, сейчас волнует многих, хотя не все об этом говорят, – о веровании в теорию заговора, о чем упомянули и Вы.

Я не очень понял: со временем оно начинает доминировать, усиливаться?

Епихина Ю.Б.: Усилилось.

Угрюмов М.В.: В любом случае можете сказать, какие объективные основания для этого есть?

Сколько я ни пробую понять это, так понять и не могу.

Спасибо.

Епихина Ю.Б.: Если опираться на данное исследование, то доля конспирологического кластера увеличилась более чем на 3 процентных пункта с 1998 года.

Доля верующих в международный заговор против России увеличилась почти в 2 раза.

Что касается объективных оснований, их можно увидеть в социальном профиле носителей конспирологии.

В 2024 году это высокообразованные мужчины с проблемами материального положения.

Здесь работает механизм статусной несовместимости: высокая квалификация не приносит ожидаемой экономической отдачи, что порождает фрустрацию и необходимость найти объяснение.

И конспирология его предлагает: не я неудачник, а система работает против меня.

Не рынок несправедлив, а внешние силы целенаправленно вредят.

проф. ГРИФЦОВА И.Н. – к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

Грифцова И.Н.: У меня такой вопрос.

Как известно, существует определенная дистанция между понятиями, которые на первый взгляд выглядят одинаково, но истолковываются одним образом в науке и немного по-другому – на уровне обыденного сознания.

Мы в прошлый раз, в частности, говорили о том, что понятия «знание» и «информация» могут восприниматься по-разному.

Вы в своем опросе больше ориентируетесь на трактовку понятий на уровне обыденного сознания, а потом их переинтерпретируете с точки зрения науки, или нет?

Этот вопрос у меня вообще ко всем социологическим опросам.

Меня очень смутило понятие «верующий».

Вы отмечали некую корреляцию между понятием «верующий» и верованием в какие-то другие вещи.

Как известно, понятия «верующий», «религиозный», в общем-то, не тождественны.

Они тождественны, скорее, на уровне массового сознания.

А если быть точным, то мы видим только синонимию в рамках христианства.

В иудаизме, буддизме термину «религиозный» соответствуют некоторые другие понятия.

Уточните, пожалуйста.

Спасибо.

Епихина Ю.Б.: Спасибо за Ваш глубокий вопрос.

Думаю, Пьер Бурдьё справился бы с ответом лучше, чем я.

По поводу разделения на научное знание, обыденное сознание, роль доксы в производстве социального знания и так далее.

В самом начале доклада я акцентировала внимание на этом различии, связанном с тем, что речь будет идти не о религии и не о религиозности, а о верованиях.

И в показателях регрессии речь идет о самоидентификации с верующими людьми.

Вопрос задавался так: «Вы верующий человек?»

И уже респондент, исходя из его собственного понимания, отвечал – да или нет.

Речь идет не о религиозности, а именно о вере.

Я с Вами совершенно согласна, что вера, религия и религиозность – разные понятия, которые нуждаются в различении.

**к. ю. н. ТОРШИН А.П., к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.,
акад. УГРЮМОВ М.В.**

ТОРШИН А.П.

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

Торшин А.П.: Добрый день!

Позвольте маленькую реплику с учетом специфики нашей аудитории, потому что в основном все тут банкиры.

Тосунян Г.А.: Почему в основном банкиры?

Торшин А.П.: Есть и ученые.

Банкир, да еще и академик – вообще хорошо.

Большое спасибо, очень интересный доклад.

Я получил целый ряд подтверждений своей гипотезы.

Обратил внимание, что вера в кару Господню за грехи подросла.

Хочу поделиться личным наблюдением.

Я бываю в Чеченской Республике.

Там появилось одно опасение.

В свое время на внедрение партнерского (исламского) банкинга было отведено два года.

Но в сроки не уложились.

И вице-премьер республики публично заявил о том, что за это Аллах покарает, и все сидели тихо.

Хочу сказать, что, наверное, в известной степени благодаря этому у меня в руках карточка партнерского (исламского) банкинга, которую я получил две недели назад.

Ее делает «Сбербанк» на Цветном бульваре.

Я специально определил, сколько отсюда до Центрального банка – 10 минут.

В Москве, не участвующей в исламском эксперименте, «Сбербанк» делает карточки!

Есть вот такие практические последствия. Наверное, будут и другие.

Интересно, как в этом плане дальше пойдет тенденция. Действительно, эту карту лояльности, думаю, можно рассматривать как суррогатный билет верности исламу, ведь человек осознанно отказывается от процентов по вкладу.

Интересно посмотреть, как исламский банкинг будет развиваться в перспективе.

Другое дело, вопрос к докладчику...

Тосунян Г.А.: Следующим шагом откажетесь от самого своего вклада.

Торшин А.П.: Такие карточки выдают не только мусульманам.

Почему я ее получил?

В первый же день был скандал, когда в банк пришла женщина с непокрытой головой.

Карточку ей не оформили, аргументировав тем, что она не мусульманка.

Я решил одеть свою жену в шорты. Она возражала, но все-таки пришла со мной в таком виде и с непокрытой головой.

Карточку ей выдали в течение десяти минут. Все нормально.

Непонятно, на чем основывается цифра 72% религиозности в российском обществе.

Тогда откуда такое количество аборт?

72% боятся Божьей кары, и почти два миллиона абортот?

Епихина Ю.Б.: Отвечу коротко.

Вы задали очень серьезный вопрос, изучением которого социология тоже занимается, но он требует дополнительного исследования.

Это связь между религиозными установками и реальным поведением.

И как раз есть исследования, которые направлены на изучение этого разрыва: почему так происходит – верят в одно, а поступают по-другому?

Тосунян Г.А.: Да, это часто встречается.

Верить и декларировать – разные вещи.

Вы помните, что декларировали в Советском Союзе? И как потом многие «переобулись» и стали сразу верующими?

Епихина Ю.Б.: Тоже нельзя забывать известный механизм: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься».

Получается, что без греха нет спасения.

Угрюмов М.В.: Я хотел другими словами сказать то же, что и Вы.

Есть люди, которые декларируют, что они верующие, а есть практикующие люди.

Например, католическая страна – Франция. Там, наверное, чуть ли не 100% – католики.

Но на самом деле никто из них не практикует.

Они используют только обряды: венчание, похороны и так далее.

И все. В церковь никто не ходит.

Коллеги, если не возражаете, перейдем к третьему вопросу.

У нас третий вопрос повестки дня – «Социальный контекст переездов: чем обусловлена и на что влияет “охота к перемене мест” у россиян».

Докладчик – Анна Владимировна Стрельникова, кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Предваряя выступление докладчика, скажу несколько слов.

С точки зрения свободы человека вопросы социальной мобильности являются, мне кажется, очень важными. Причем не только в рамках перемещения внутри страны, но и для возможности выезжать за ее пределы и при желании менять страну проживания.

Почему я об этом говорю?

Потому что сравните, допустим, ситуацию с такими странами, как Туркмения, Северная Корея, где люди практически не имеют права выезжать за границу.

До 40 лет, например, в Туркмении – ограничение для мужчин по закону. Даже посещать другие города своей страны граждане могут только при наличии специального разрешения.

И эта ситуация для нас не чуждая.

В Советском Союзе выезжать за границу было крайне сложно.

Я помню, насколько для меня это было оскорбительным и унижительным, помню закрытость границ, когда ты не имел права покидать страну.

Это считалось каким-то высшим бунтом.

Перед предстоящей поездкой надо было обязательно пойти в райком партии или райком комсомола, чтобы получить разрешение.

И был такой случай.

Моему приятелю по работе на свадьбу родители подарили поездку в Болгарию.

Комиссия в райкоме ему разрешение на выезд дала, а супруге – нет, потому что у нее в свое время родственники были в плену.

И ему настойчиво порекомендовали отправиться в свадебное путешествие одному. Так и сказали: «Вы прошли комиссию. Мы уже утвердили вашу кандидатуру. Вы не только можете, а обязаны поехать».

Вот такой парадокс. И это не придуманная история.

Еще в Советском Союзе был институт прописки.

Когда ты не мог приехать в другой город дольше чем на три дня или неделю, а Москва вообще была закрытым городом.

И я считаю, что одно из величайших достижений перестройки, которое мы спустя много лет уже и не осознаем, – это открытие границ и возможность свободно перемещаться.

Если говорить о внутренней миграции, то переезд – всегда серьезное решение для человека, для семьи. Это важный шаг, который позволяет кардинальным образом изменить жизнь.

Поэтому мобильность населения – это важный показатель не только свободы человека.

Мобильность требует развитого рынка жилья и аренды, а также активного рынка труда.

Вопрос мобильности всегда идет бок о бок с жилищным вопросом, поскольку жилье – базовая потребность любого человека.

В нашей стране этот вопрос стоит достаточно остро.

Думаю, дополнительно этот тезис расшифровывать не нужно. Но большую роль в улучшении жилищных условий играют банки и ипотека.

Многие ипотечные программы сейчас отменены или сокращены. Хотя на самом деле ситуация требует обратного тренда.

И кредитные организации удивляются, почему вдруг мы пошли в обратном направлении.

После отмены летом прошлого года основной программы льготной ипотеки на новостройки семейная ипотека остается доступной, она продлена до 2030 года, однако в весьма ограниченном объеме.

При этом сегодня слышны предложения, исходящие в том числе и от государственных лиц, – ограничить семейную ипотеку регионом регистрации заемщика.

То есть опять вводятся ограничения. Это предложение уже поддержали в Минфине.

По мнению инициаторов, семейная ипотека не должна использоваться в инвестиционных целях, минуя цели поддержки семей.

Такая постановка вопроса правильная.

Но зачем подменять одно понятие другим? «В рамках одного региона» или «в инвестиционных целях»...

Почему нужно путать котлеты с секундами?

Дело отнюдь не всегда состоит в том, что люди используют семейную ипотеку в инвестиционных целях.

Это часто вариант начать жизнь в другом месте.

И это не обязательно место инвестиционно привлекательное.

Людям требуется переезд по разным причинам: ближе к родственникам, в связи со сменой работы, из желания переехать в регион, который больше нравится, например, по климатическим условиям...

Понятно, что семейную ипотеку хотят сделать более адресной. Но каким методом, какой ценой?

Фактически получается, чтобы взять семейную ипотеку на квартиру в конкретном регионе, у человека там уже должна быть квартира.

Очевидно, что, если предложение ограничить семейную ипотеку будет принято, мобильность человека, мобильность семьи усложнится.

А значит, определенным образом ограничится свобода человека.

У меня лично это вызывает очень большие вопросы.

Это снизит и трудовую миграцию внутри страны.

Конечно, тема социальной мобильности связана не только с жильем, это сложная, многогранная тема.

Сейчас слово нашему докладчику – Стрельниковой Анне Владимировне.

Мое предисловие, надеюсь, Вас с толку никак не сбilo.

ДОКЛАД 3

СТРЕЛЬНИКОВА А.В.

к. социол. н., доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕЕЗДОВ: ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕНА И НА ЧТО ВЛИЯЕТ «ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ» У РОССИЯН

Спасибо большое, коллеги.

Очень хорошо, что это вступление прозвучало.

Потому что мой доклад, конечно, является продолжением тематики социальной дифференциации, но с фокусировкой на процессе перемещений.

В том числе с учетом парадигмы мобильного поворота в социальных науках.

Поэтому мы говорим о переездах.

При этом, конечно, важно понимать различия обыденного дискурса и дискурса научного.

В обыденном дискурсе, если говорить о переездах, это скорее событие индивидуальной биографии, иногда – семейной и групповой.

И порой это воспринимается как что-то повседневное, как событие микроуровня.

Но если мы говорим про научный дискурс, то напротив, переезд, как правило, рассматривается как отражение миграционной динамики, то есть происходит переход на макроуровни рассмотрения.

И как раз совмещение двух этих уровней, на мой взгляд, дает нам возможность и основание задаваться вопросами, которые важны для социальных наук:

– Как возможен социальный порядок в условиях социальной динамичности?

– Как события, связанные с личными переездами, становятся основой больших социальных процессов?

В докладе я акцентировала внимание на сюжете о том, есть ли и какова социально обусловленная специфика у данного события – переезда.

Тем более что последние 10–15 лет проводится целая серия исследований, прежде всего у нас в Институте социологии РАН и в других организациях.

Осуществляются разного рода мониторинги, лонгитюды, где в той или иной мере затрагивается тематика переездов.

По крайней мере, в них присутствуют вопросы о смене места жительства.

Если посмотреть эти данные, то можно сделать предположение о непростом и комплексном характере этого события и о влиянии самого факта переездов на социальную статику и динамику.

Поэтому мне кажется важным и значимым обратиться к теме переездов не только как к прикладному сюжету, но и по возможности выйти на более высокий уровень объяснений этого процесса.

В докладе я в основном опираюсь на результаты первичной аналитики материалов текущего проекта.

Он подробно был представлен еще в самом первом докладе Михаила Федоровича.

И этот проект дает совершенно свежие, можно сказать, уникальные данные.

Также я использую данные из наших прошлых проектов.

Там были довольно сложные многометодные исследования.

Ядром и текущего, и предшествующих проектов является общероссийский анкетный опрос.

Поэтому большая часть данных будет представлена с опорой на эти материалы.

Конечно, стоит уточнить само понятие «переезд».

Уточнение понятий – базовая вещь для рассмотрения любой тематики.

Сразу можно сказать, что в разных исследованиях переезду даются трактовки, отличающиеся друг от друга.

Это несколько затрудняет сопоставимость данных.

Даже при проведении собственных исследований у нас бывает довольно много аналитических дискуссий, чтобы уточнить это понятие, сверить с текущим социальным контекстом и с восприятием наших исследовательских терминов и понятий уже в обыденном сознании.

Такой когнитивный переход крайне важен для любого исследования.

Тема переездов исключением не является.

В нашем последнем проекте под переездом мы понимаем изменение места постоянного проживания, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, на срок более года, кроме командировок и службы в армии.

И вводим возрастное ограничение, что эти изменения места проживания учитываются с определенного возраста – начиная с 16 лет.

То есть мы тем самым задаем границы этого перемещения, начиная с условно сознательного возраста индивида, с 16 лет, и в течение его жизни.

Мы не учитываем те переезды, которые не связаны с изменением места постоянного проживания.

В жизни индивида может быть серия краткосрочных переездов, связанных с работой или с другими жизненными ситуациями.

Их мы пытаемся отсечь с помощью этой формулировки.

Кроме того, если нет таких уточнений, индивиды могут упустить внутренние переезды.

То есть переезды в пределах одного района, в пределах одного населенного пункта, как показали наши пилотные, предварительные исследования, по умолчанию не воспринимаются как переезды.

Поэтому с точки зрения методологии особенно важны уточнения о том, что же все-таки является переездом, а что не является.

Также важно добавить, что в нашем последнем исследовании мы решили задавать типологию переездов, впоследствии, естественно, соотнося ее с теми данными, которые были получены.

Первый тип переездов мы обозначили как переезды внутри одного населенного пункта.

Второй тип – между городами или селами России, то есть внутрироссийские переезды.

Третий тип – между городами или селами Советского Союза до 1991 года, чтобы прежде всего охватить динамику переездов старшего поколения.

Четвертый тип – это переезды в другие страны или из других стран – там у нас было уточнение.

Тем самым была попытка увидеть это разнообразие представленных типов и затем его осмыслить.

Отмечу, что в более ранних наших исследованиях эти типы не уточнялись, то есть такой разбивки не было.

И мы эти показатели выводили обобщенно.

Поэтому возможное сравнение ограничено, но тем не менее оно все-таки возможно.

Начну с рассмотрения частоты переездов россиян.

Картина довольно своеобразная.

Оказывается, у нас 40% опрошенных за всю жизнь не переезжали ни разу.

Речь про переезды, понимаемые как изменение постоянного места жительства.

То есть довольно большую долю россиян можно назвать оседлыми, или немобильными.

Примерно такая же доля наших сограждан совершили от 1 до 3 переездов в течение жизни.

И только относительно небольшую долю россиян – 16,5%, по данным нашего последнего исследования, можно условно назвать высокомобильными. У них было более 3 переездов в течение жизни.

При этом там довольно высокая дифференциация этих данных. Мы их пытались перегруппировать.

И процесс еще продолжается.

На текущий момент у нас ограничение крайних выбросов было довольно жестким.

Я этот анализ еще продолжу.

Отмечу, что по всей выборке в группе высокомобильных было зафиксировано максимальное количество переездов – 11.

Если эти данные сравнить с исследованиями 2015 и 2017 годов, получается очень схожий результат.

То есть можно сказать, что доля россиян, которые ни разу не переезжали, в целом сопоставима.

Но в предыдущем исследовании их было немного больше.

На текущий момент доля оседлых несколько уменьшилась.

Но тем не менее она осталась в той же категории. Это одна из самых массовых групп.

В остальном россияне переезжали примерно в той же пропорции – 1–3 раза за свою жизнь.

И доля тех, кто переезжал более 3 раз, невысока.

И раньше она была еще меньше, чем сейчас, порядка 6%.

То есть условно можно сделать вывод о движении в сторону большей динамичности переездов, увеличения интенсивности территориальной мобильности за период в 10 лет.

С другой стороны, можно говорить про типы, которые я уже называла.

По типам переездов у нас преобладают переезды в пределах одного населенного пункта.

Это 38,8% переезжающих.

Переезды в пределах России отметили 37% россиян.

Меньшая доля – те, кто переезжал в другую страну или из другой страны – 12,3%. И еще около 12% – те, кто отметил переезды в бывшие республики СССР или из них в Россию (в период до распада СССР).

В нашем исследовании также был вопрос о том, какой из переездов человек считает самым важным для себя.

И в ответах воспроизводится та же самая структура, повторяющая распределение по типам переездов.

Это неудивительно при общем малом количестве переездов в жизни отдельного человека: какие переезды были, такие и стали значимыми.

Поэтому большинство опрошенных посчитали наиболее важными свои переезды внутри России.

Наверное, важно будет сказать о социально-демографических паттернах переездов.

То есть о тех мотивах, которые в итоге приводят людей к необходимости переезжать.

Как оказалось, в сравнении за двенадцатилетний период эти побудительные мотивы в своей основе не меняются.

Это прежде всего семейные обстоятельства, изменения семейного положения разного рода: вступление в брак, развод, увеличение состава семьи...

На втором месте – образовательная мобильность.

На третьем – трудовая мобильность.

На четвертом – улучшение жилищных условий.

То есть это те важные мотивы, драйверы для необходимости изменить место жительства, которые были обозначены во вступительном слове к докладу.

Стоит отметить также, что с фактом переезда в жизни положительно связано наличие детей, изменение семейного статуса.

Как оказалось, оседлость была положительно связана с холостым и незамужним статусом человека.

Продолжая описывать паттерны, хочу сказать о влиянии возраста.

Наверное, не стало сюрпризом, но лишний раз подтвердилось на больших данных, что интенсивность переездов достигает пика в молодом возрасте.

Большинство информантов сообщили, что самые важные переезды у них происходили в возрасте 16–18 лет.

Примерно 20% указали, что переезды были до 23 лет.

Поэтому в ходе анализа я объединила это в одну возрастную категорию: 75% самых важных переездов происходит в молодом возрасте.

Мы можем предположить, что, конечно, это связано с сепарацией от семьи, родителей, изменением своей образовательной траектории, с попыткой начать свою трудовую деятельность.

То есть со всеми теми причинами переездов, которые были выделены ранее.

Отмечу и концентрацию частоты переездов и оценки важности своего переезда вокруг именно данной возрастной группы.

Что касается эффектов, которые связаны с изменением обстоятельств в жизни и изменением социального окружения в результате переездов.

Конечно, переезд – трансформационное событие в биографии.

Мы сделали этот вывод в ходе исследования качественного характера, проводя интервью с людьми об их биографии, их жизненной судьбе.

Было обнаружено, что переезд воспринимается людьми как событие, меняющее жизнь.

Поэтому имеет смысл посмотреть на обобщенные эффекты переездов, которые удалось выделить уже на текущих количественных данных.

Я попробовала построить что-то вроде профиля человека, который имеет опыт переездов, и человека, который такого опыта не имеет.

И связать факт наличия или отсутствия переездов с представлениями о будущем, с некоторыми социальными установками, с удовлетворенностью разными параметрами жизни.

Получилось, что люди, которые имеют опыт переездов, несколько более пессимистичны относительно материального положения.

Они не уверены, что их материальное положение в будущем году улучшится.

То есть они ожидают скорее ухудшения.

Они меньше удовлетворены текущим материальным положением.

У них есть сомнения по поводу того, что будет возможность получить повышение по работе.

При этом для данной категории людей крайне важна независимость как ценность.

В нашей анкете был вопрос о том, насколько для человека важны независимость и автономия.

В градации были выбраны максимальные значения, и они коррелируют именно с фактом наличия переездов в биографии человека.

Мне кажется, это довольно интересный и значимый для интерпретации результат.

Также группу людей, имеющих опыт переездов, характеризует высокая степень готовности к изменениям в жизни, стремление к профессиональной автономии.

И при этом выше риск прекарной занятости – трудовой деятельности, связанной с устной договоренностью, а не зафиксированной контрактом.

То есть наблюдалась взаимосвязь между фактом работы не по официальному договору.

И именно в группе людей, имеющих опыт переездов, пропорция таких трудовых отношений гораздо выше.

В свою очередь те, кто не имеет опыта переездов, с бóльшим оптимизмом смотрят на материальную сторону своей жизни.

Для них не очень важна независимость как ценность. И они, в общем-то, не очень готовы к изменениям в жизни.

Стремление к профессиональной автономии тоже выражено у них в меньшей степени.

То есть получилось, по сути, что имеющие опыт переездов, наверное, более критически относятся к своей жизни, к своим планам на будущее.

Конечно, это первичная аналитика, но она показывает пока такой профиль.

Коротко хочу сказать про жилищные и профессиональные условия.

Оказалось, что жилищные факторы и те, что связаны с работой, тоже различаются для мобильных и немобильных граждан.

Жилищная собственность может считаться детерминантой миграционного поведения.

У переезжающих чаще встречался ответ, что у них нет собственного жилья.

Наличие жилья в собственности является своеобразным стабилизирующим фактором.

Не важно, жилье приватизированное или приобретенное самостоятельно, но его наличие в каком-то смысле побуждает к этой оседлости.

Конечно, тут нельзя говорить в полной мере о том, что у нас большая жилищная обеспеченность у тех, кто не мобилен.

Думаю, что следует группу очень мобильных россиян еще больше детализировать и кластеризовать.

И это, безусловно, тема будущих исследований.

Но на данный момент есть предположение, что обретение такого жилищного капитала – собственного жилья – останавливает процессы гипермобильности индивида.

Привлекая данные других исследований, я обнаружила, что в последних проектах, в частности, в массовых опросах ВЦИОМ, отмечается, что почти две трети жителей России потенциально рассматривают возможность переезда в другой российский регион по работе.

Это говорит о том, что, возможно, фактор работы займет более высокое место среди тех факторов, которые могут привести к переезду.

По нашим данным, на первом месте пока находятся семейные обстоятельства, а не работа.

Но интересно сопоставить наши результаты с результатами коллег.

Я бы сказала еще про качественный подход.

В текущем году мы планируем дополнить наше количественное исследование материалами новых интервью.

Но по уже проведенным качественным исследованиям мы обнаружили как минимум две логики, которые позволяют интерпретировать пространственные перемещения.

В нарративах о переездах четко прослеживались планы и обстоятельства.

А само содержание нарративов можно разделить на оценку их потенциала и на оценку результатов.

В одних биографиях пространственные перемещения вписывались в план жизни, то есть были предсказуемыми для индивида.

Здесь человек оценивал успешность своего перемещения в зависимости от своих планов.

И была вторая категория, где перемещения в основном совершались вынужденно, под влиянием обстоятельств.

Такие биографии характеризовались большей хаотичностью, они были нелинейные, в них было довольно много неопределенности при установлении своего статуса хотя бы на том же уровне, на котором он был до переезда, не говоря уже о каких-то восходящих форматах мобильности.

Если говорить об общих выводах, то большинство россиян у нас оказались все же маломобильными либо немобильными.

Вместе с тем есть группа высокомобильных россиян.

Их оценочная доля не так высока, и эта группа неоднородна.

Также у нее обнаружился ряд характерных свойств.

Это позволяет нам сказать о том, что эту группу, конечно, стоит изучить гораздо более прицельно.

В ней номинируется и группа высокопрофессиональных сотрудников, если мы говорим о взаимосвязи между профессиональным статусом и частотой переездов.

С другой стороны, в ней же и трудовые мигранты, которые, наоборот, характеризуются контрастно более низкими показателями.

И те и другие при этом входят в группу высокомобильных россиян.

То есть очевидно, что кластеризация все равно нужна в этой небольшой группе.

Также мы обнаружили, во-первых, четкую возрастную стратификацию миграционной активности.

Во-вторых, обнаружили, что нестабильность трудовых отношений коррелирует с повышенной миграционной активностью, а формальное трудоустройство, наоборот, является фактором иммобильности индивида относительно места проживания.

В-третьих, переезды в другой населенный пункт чаще всего воспринимаются как важные и значимые.

В структурном анализе переездов нам нужно учитывать характеристики приживаемости индивида, потому что есть и возвратная миграция.

Ее сложно было охватить на данных нашего текущего проекта.

Однако на этапе интервью, которое мы тоже планируем, думаю, мы к этому вопросу вернемся.

Как я уже сказала, продуктивно будет изучать группу гипермобильных россиян.

Наверное, основные результаты я изложила, буду ждать вопросы.

Спасибо, коллеги.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Анна Владимировна.

Спасибо за содержание, емкость, за компактность.

к. э. н. САРКИСЯН Т.С. – к. социол. н. СТРЕЛЬНИКОВА А.В.

Саркисян Т.С.: Вы сказали, что удельный вес мобильности россиян невысокий – 16%.

А может быть, 16% – это очень даже высокая мобильность по сравнению с другими странами?

Стрельникова А.В.: Большое спасибо за этот вопрос.

Мы сравнительный анализ на текущем этапе не проводили.

Высокая она или невысокая – оценивалось именно в абсолютных выражениях.

То есть мы видим, какие у нас группы преобладают, каких – меньше.

В этом смысле можно говорить о том, какая группа в большей или меньшей степени представлена в нашей социальной структуре.

Соглашусь с Вами, что сравнение с другими странами, а также с другими временными периодами очень важно и очень ценно.

На данном этапе было сравнение только с нашим предыдущим периодом десятилетней давности, которое показало, что мобильность увеличилась.

Вообще говоря, если следовать концепции мобильного общества британского социального теоретика Джона Урри, то именно мобильность и гипермобильность, а также гибкость людей при выборе места проживания являются основной чертой современного постиндустриального общества.

И в этом смысле переход нашего общества в целом на этап постматериализма и постиндустриальности должен, по теоретической логике, подразумевать как раз

переход к большей частоте перемещений, связанных с изменением места проживания, изменением условий труда и так далее.

Безусловно, нужны дальнейшие исследования, чтобы показать, может ли миграционный профиль нашей страны объясняться в этой теоретической логике.

Саркисян Т.С.: Спасибо.

А есть сравнительная аналитика между странами по показателям мобильности?

Потому что очень часто в прессе пишут, что 95% американцев за свою жизнь не выезжают за пределы Соединенных Штатов Америки.

Было бы интересно посмотреть на такие показатели в других странах и сделать сравнительный анализ.

Стрельникова А.В.: Есть большие лонгитюды, в которых участвует множество стран.

Это прежде всего Всемирное исследование ценностей (World Values Survey), проекты Всемирного банка.

Есть несколько источников данных, на базе которых можно вывести такие показатели.

В чистом виде они мне не встречались, но их можно вывести аналитически, потому что данные по разным странам, разным регионам разрозненные, но есть.

И очень хорошо, что Вы подали эту идею – провести более комплексный анализ путем сравнения данных по разным странам.

Ярославцева Е.И.: Спасибо за предоставленное слово.

Хочу связать переезды, передвижения с сегодняшней цифровой ситуацией.

В 2017 году проводилась большая конференция по номадизму.

И что меня удивило – как информационно она была обеспечена в отношении привлечения самых разных участников.

Когда я получила такое приглашение в виде листочка, там было указано: «2017 год».

И я даже не сразу поняла, что это так.

Его даже за горизонтом не было видно! Психологически это воспринималось как пустые усилия.

Но если переместиться в ту историческую реальность, то именно в этом – вневременном – контексте она и подавалась.

Через простые распечатанные листочки, без всяких цветных реклам, что обнаруживало достаточно серьезное внимание организаторов к этому вопросу.

Цифровой век уже чувствовался, образование тоже активно переходило на формат «бакалавр, магистр», но сложно было представить, что кто-то уже сейчас без особой нужды будет заниматься темой массовых перемещений.

Термин «номадизм» не связывался ни с чем другим, как с кочевничеством.

Многие участники откладывали приглашения под девизом «Видно будет», поскольку насущные близкие проблемы требовали первостепенного внимания, умения решать текущие задачи.

И в результате к моменту подготовки докладов – а конференция постепенно входила в режим все более

жесткой подготовки (по всей видимости, по грантам) – участники готовились почти накануне. И большинство из них не стали «морочиться», подготовив в 70% материалы о культурохозяйственной практике: о перегоне скота по пастбищам; об успешности детей, которые получают в юрте с помощью цифровых коммуникаций и других новейших технологий допуск к широкому образованию. Все это немало озадачило руководство.

В регионах не было ясно, это была осознанно избранная тактика или просто естественная близость к теме.

Вообще, все это готовилось очень долго.

В связи с новыми технологическими возможностями стимулировалась потребность молодежи переезжать учиться куда угодно.

То есть формировался серьезный молодежный кластер, которому прививалось новое поведение на основании нового целеустремления.

Конечно, это может актуализировать глубинную потребность в передвижении, в каком-то смысле стадное поведение, особенно при наличии комфортных средств перемещения.

Современники сегодня могут видеть в ТВ-программах, насколько мощными являются стада оленей, которых перегоняют с пастбищ. И для обитателей юрт это не туристическое занятие, а именно кочевая жизнь, связанная с трудом, адекватным экосистеме.

Тематика «номадизма» привлекала искусно подаваемой легкостью, что может стимулировать некритически думающую молодежь поддаться порыву, желанию обновления, когда все лекции – в сети, все учебные задания – в образовательных тестах, сертификат – в электронной форме, и свободный диплом.

А учебная аудитория, соответственно, вагон поезда или борт самолета.

Все в соответствии с логикой: информация дорого стоит, и покупая ее, можешь продавать себя, что становится критерием успеха!

Нередко, освоившись, молодежь тянет за собой родителей, но чаще – наоборот, они «убегают» от родителей, теряясь в нетях.

Вот такая получается сепарация.

Иногда кажется, что здесь что-то новое, привнесенное цифровыми системами, которые как бы ослабили естественные связи – и родственные коммуникации стали разрываться, связи в сети постепенно превратились в редкие приветы посредством замещающих приемов – смайликов.

Однако, по свидетельству российских ученых, в человеческих сообществах, в социуме всегда работали механизмы суггестии, контрсуггестии и контрконтрсуггестии. Эти механизмы, как реальные прототипы диалектического закона «отрицания отрицания», раскрывают суть процессов развития¹⁴.

По существу, при прохождении через этапы созревания, преодоление фильтров доверия/недоверия¹⁵ в социальных коммуникациях порождаются субъекты.

И среди них человек – первый вестник, ведущее существо, сохранившее свою связь с природой и в то же время вышедшее в своем развитии в иное качественное состояние. Это состояние связано с утверждением социальной как органической системы коммуникаций для человека, с его сосуществованием в многообразном самоорганизующемся социуме.

¹⁴ Поршнев Б.Ф. Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества // История и психология. М., 1971. С.

¹¹ Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология : сборник статей / под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. — М. : Наука, 1971. — С. 7–35.

¹⁵ Там же.

И это очень важно, особенно в век компьютерных технологий, цифровых исчислений, когда человеческая природа в индивидуальных проявлениях рискует превратиться в вечный цифровой полуфабрикат.

Что такое недоверие и доверие, кибернетика не знает. Это относится к социальной психологии, к теории ее элементарных явлений.

В сегодняшнем противоречивом и конфликтном мире человек стремится выстраивать развивающие отношения, которые способны пройти этапы испытаний, сохраняющие биосоциальную природу человека и порождающие субъектность нового качества.

Это важно и для генерации иного типа сетевых квантовых коммуникаций.

Вы учитывали этот формат, связанный с цифровыми обстоятельствами жизни?

Кто-то едет на дальний берег океана какого-нибудь зарубежного государства и удаленно за компьютером работает на нас.

Это что за формат, как его оценивать?

Есть ли у Вас какие-то попытки или намерения связать эти сюжеты?

Стрельникова А.В.: Вообще говоря, да.

Цифровой нomaдизм, действительно, это растущий сегмент нашей социальной жизни.

И у меня ощущение, что в нашу категорию гипермобильных, безусловно, попали индивиды, которые относятся к цифровым нomaдам.

Они там есть.

Нельзя сказать, что большая категория попала в количественный, массовый опрос.

Всегда специфичные группы улавливаются чуть меньше, даже на больших выборках.

Но тем не менее такие категории попали в выборку.

Думаю, что при дальнейшем анализе условий труда, трудовых отношений можно будет попытаться вывести и профиль этой подгруппы.

Мне кажется, данные важнее соотнести не только с типом и способом занятости, но прежде всего с социальными установками и образом жизни.

Это то, о чем я пыталась сказать: такие различия в профилях все же есть или нет у переезжающих.

А второй этап – это среди переезжавших выбрать категорию, о которой Вы говорите.

Да, это будет тоже хороший аналитический ход.

Тосунян Г.А.: Огромное поле деятельности.

Очевидно, что на все вопросы в одном докладе дать ответ невозможно.

Пожалуйста, Михаил Вениаминович.

акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Угрюмов М.В.: Всякая научная работа сопровождается не только описанием результатов, но и обсуждением.

Я как-то не увидел обсуждения.

А на самом деле есть что обсудить.

Например, миграцию у нас в стране.

Я никогда этим вообще не занимался, но не сомневаюсь, что у нас давно идет миграция из деревни – в город, из провинциальных городов – в мегацентры.

Это стопроцентная тенденция, которая характерна для нашей страны.

Например, в той же Франции никакой миграции в сельской местности невозможно представить, потому что в сельском хозяйстве задействовано лишь 5% населения.

Куда еще мигрировать?

Они уже давно прошли этот процесс.

А меньше 5% населения просто не может обеспечить сельское производство.

Вы сказали, что из Соединенных Штатов нет миграции. Это правильно.

Но в пределах Соединенных Штатов – бешеная миграция.

Причем там миграция основывается не столько на семейных факторах, сколько на работе.

Тосунян Г.А.: Она при этом еще и очень упрощенная. Ты можешь переехать из одного региона в совершенно другой, выбрав формат, в котором ты жил, при этом при желании увеличив или сократив метраж.

К тебе придут, упакуют вещи, перевезут их.

Ты вообще не тратишь на это ни энергию, ни время: ни на ремонт, ни на упаковку вещей и так далее.

Внутри США, действительно, очень высокая миграция.

Угрюмов М.В.: Конечно.

Поэтому сейчас, мне кажется, какая очень опасная тенденция может быть связана с миграцией?

Мы теряем наш интеллектуальный потенциал, наше будущее.

У нас потрясающее среднее образование.

Причем это мнение и всех иностранцев, и тех русских, кто бывал за границей и возвращается.

Не во всех школах, но в целом по стране у нас лучшее среднее образование.

И я сам это знаю, поскольку имею внуков-школьников.

Но что получается?

Среднее образование хорошее.

А высшее образование сейчас сильно деградирует.

И более того, становится платным, поэтому дети, которые получают блестящее образование, начнут уезжать из страны.

А они – наше будущее.

Вот эту тенденцию очень важно проанализировать и каким-то образом постараться хотя бы остановить процесс «утечки мозгов».

Я не знаю, как это сделать, но для этого очень стараются все, кто может повлиять на сложившуюся ситуацию.

Мне представляется, что такое обсуждение было бы совсем не лишним в этом докладе.

Спасибо.

ЕЛИСЕЕВА И.И.

чл.-корр. РАН, д. э. н., профессор кафедры статистики
и эконометрики Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

Елисеева И.И.: Спасибо за доклад.

Я хотела просто поинтересоваться, почему Вы так упорно не используете официальную статистику миграции?

И выделенная Вами категория мигрантов в пределах России очень нечеткая.

В пределах России важны пространственные характеристики миграции, важна география перемещений: откуда и куда едут?

Из села – в город, с Дальнего Востока – в центр и на юг, или наоборот?

Как северные территории «дружат» с миграцией?

Все это было бы очень интересно.

В дискуссии было сказано, что в США внутренняя миграция – сумасшедшая. А в России?

Я читала как-то диссертацию по миграции, защищенную в МГУ, в которой отмечалось, что в США примерно 13% меняют место жительства в течение года.

Если Вы говорите, что у нас – 16%, то эта цифра примерно сопоставима с США.

В советское время примерно 2% меняли место жительства в течение года, в среднем.

Вы межстрановой аспект не затрагивали.

К тому же эту довольно большую группу мигрантов в пределах России Вы почему-то не структурировали и избежали сравнения с официальной статистикой.

Тосунян Г.А.: Думаю, здесь не очень уместен вопрос, почему Вы что-то не сделали.

Сделали то, что пока успели сделать. И докладывают о том, что сделано.

Елисеева И.И.: Это же лежит на поверхности.

Как можно не сравнить результаты исследования и официальные данные?

Стрельникова А.В.: Дело в том, что данные статистики, разумеется, доступны.

И конечно, не составляет труда к ним обратиться.

Именно поэтому мы положили в основу совершенно другой, аналитический подход, который позволяет группировать типы переездов по совершенно другим основаниям.

Мы предложили типологию, которой нет в официальной статистике.

Вы совершенно правильно говорите.

Переезды между разными населенными пунктами и в региональном разрезе крайне важны для нашей страны.

Но у нас, если Вы обратили внимание, обнаружилось, что самая большая доля переездов – это переезды внутри одного и того же населенного пункта.

То, что официальной статистикой не учитывается совершенно.

Елисеева И.И.: Очень хорошо, что Вы выделили внутрипоселенческие перемещения, их действительно официальная статистика не отражает.

Но все равно, на мой взгляд, важно было в выводах подчеркнуть, что преобладает ближняя миграции: в рамках субъекта федерации, в рамках федерального округа.

У Вас как-то это не прозвучало.

Не выделены точки пассионарности миграционного поведения населения: откуда в большей степени стремятся уехать и куда.

В ответах на эти вопросы опять-таки требуются географические координаты.

Подчеркну, что несомненная ценность выполняемого проекта – в детальной типологии поселений и в типологии мигрантов (хотя нужна доработка, и Вы это признали).

Тосунян Г.А.: Коллеги, давайте будем подходить к завершению.

Если есть вопросы по всем трем докладам или желание выступить, пожалуйста.

Кстати, вопрос прислала наша активная Алла Алексеевна Шептун. Она пишет, что сегодня мы обсуждаем очень интересную тему. В советское время можно было свободно перемещаться в любой регион: ехали осваивать целину, строить БАМ.

Если это всерьез, я коротко отвечу.

Конечно, переехать в Магадан или в Туруханский край было предельно свободно и легко, как и осваивать БАМ, или уехать на комсомольские стройки.

Если Вы это называете свободным перемещением в Советском Союзе, то, надеюсь, Вы не ностальгируете по этой свободе.

Это маленькая реплика в шутливой форме. Надеюсь, не в обиду.

МОСКОВКИН Л.И.

специальный корреспондент газеты «Московская правда»

Московкин Л.И.: У меня короткий вопрос.

Прозвучало слово «прекариат».

Есть ли информация о его количестве сравнительно с другими странами?

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Да. Это, вопрос, к Жану Терентьевичу больше.

Он по теме прекариата высочайший специалист, и Вы знаете его публикации.

Хорошо, либо Анна Владимировна, либо Жан Терентьевич ответят. А сейчас Андрей Клепач.

КЛЕПАЧ А.Н.

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИНП РАН, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления МГУ им. М.В. Ломоносова

Спасибо, Гарегин Ашотович.
Добрый день, коллеги!

Если коротко, относительно среднего класса я бы выделил три момента.

Первое.

Наряду с количественными характеристиками – доходов, благосостояния, наличия жилья, возможности финансировать отдых – все-таки очень важным является то, что затронул Вячеслав Николаевич.

Это возможность организовать свою жизнь, жизнь семьи и возможность финансировать жизнь своих детей.

И это очень сильно, конечно, зависит от устойчивости материального положения.

Большая часть нашего населения не относится к среднему классу, какие бы характеристики мы ни использовали.

Изменения в сторону ухудшения в зарплате или работе фактически сразу приводят к тому, что люди становятся скорее малообеспеченными.

Количественные критерии могут быть разными, но это очень важно.

В свое время Жан Терентьевич, когда говорил о том, как россияне рассматривают справедливость, на первое место выходили не вопросы неравенства доходов и благосостояния, а как раз доступность образования, медицинских услуг.

То есть то, что в этом плане и связано с устойчивостью, с качественными характеристиками жизни.

Второй момент касается в целом нашей социальной политики.

Действительно, она ориентирована на снижение бедности.

Единственный документ, где в свое время ставился вопрос расширения среднего класса, – это «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации».

Ее принимали в 2008 году.

И хотя она была утверждена правительством, руководящим документом не стала.

Важно, что делалось по целевым слоям, в частности, чтобы поднять зарплаты учителей и врачей.

Хотя статистика частично закрыта, за последние три года здесь у нас произошел откат.

Цель сделать эти зарплаты выше средней по региону не достигнута.

Из-за быстрого роста заработной платы в промышленности, особенно оборонной, местные бюджеты большинства регионов не могут обеспечивать целевые уровни врачей и учителей.

В целом система целевых значений зарплат бюджетников пришла в состояние кризиса, и ее необходимо реформировать.

Необходимо определиться с общероссийским стандартом труда и заработной платы и в целом с системой оценки сложности и социальной приоритетности труда.

Абсурд, когда учитель получает меньше курьера.

Мы фактически перечеркиваем то, что, пусть и несовершенно, делали с 2012 года по повышению статуса и благосостояния тех, кто обеспечивает знания, воспитание и здоровье людей.

Третий момент.

Если брать по регионам, о чем говорил Роберт Ис-
кандрович, то как раз от СВО выиграла глубинка.

Большая часть выплат идет туда.

Это не полностью отражается статистикой, но это
ставит вопрос, а что произойдет дальше.

СВО закончится, и у нас, условно говоря, вся кар-
тина количественного соотношения средне- и малообес-
печенных очень сильно изменится.

И это огромный, в общем-то, социальный вызов.

К нему надо готовиться, и надо думать, что делать.

Спасибо.

АГАНБЕГЯН А.Г.

акад. РАН, д. э. н.

Хочу остановиться на дифференциации в области благосостояния.

Об этом сегодня косвенно многие говорили, поскольку в центре внимания были вопросы о среднем классе, религии и другие.

Но есть прямые показатели дифференциации.

Есть, как известно, коэффициент неравенства Джини.

В 2024 году он составлял 40,9%.

А в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предусмотрено снижение коэффициента Джини (индекс концентрации доходов) к 2030 году до 37% и до 33% – к 2036 году.

Разница душевого дохода 10% относительно обеспеченных и 10% самых бедных, соответствующая таким коэффициентам Джини, сократится с 15 раз в настоящее время до 11 раз в 2030 году и 8 раз в 2036 году – почти вдвое.

У нас один из самых низких в мире прожиточных минимумов по отношению к среднему доходу, на который прожить крайне сложно.

И хотя с недавних пор мы не привязываем минимальную зарплату к прожиточному минимуму, она сейчас на 27% выше прожиточного минимума. И будет, судя по взятым темпам, увеличиваться еще быстрее.

По рейтингу, включающему 52 значимые страны, Россия, к сожалению, на 49-м месте.

Если рассчитать зарплату в час, то у нас минимальная зарплата – 97 центов, а в месяц это 207 долларов.

Этот показатель в долларовом выражении в 3–5 раз выше даже в странах, которые существенно ниже нас по душевому доходу и валовому внутреннему продукту на душу населения.

Например, Чили имеет душевой доход порядка 30 тыс. долл. на душу населения по паритету покупательной способности.

А Россия, по данным Всемирного банка за 2024 год, имеет достаточно высокий душевой доход на мировом фоне – 47,4 тыс. долл.

Кстати, Япония имеет 56 тыс. долл.

Мы находимся на уровне Венгрии и выше Греции.

Но если сравнить уровень жизни у нас и в Греции, то разница по многим показателям, в том числе по минимальной зарплате, уже в 3–4 раза.

Причина – крайне низкий курс рубля по отношению к доллару в сравнении с паритетом покупательной способности. Он ниже в 2,5–3 раза. А у Китая, например, где душевой доход ниже, чем в России, разница 1,6 раза.

Кроме дифференциации доходов у нас наблюдается крайне большая дифференциация в области жилья.

По среднему показателю обеспеченности жильем мы выглядим вроде неплохо – 29,5 кв. м.

Но сюда входит и загородное жилье, в том числе в СНТ, не имеющее часто круглогодичного отопления.

Около 35% всего жилья не имеет элементарного благоустройства, к которому относится наличие канализации, холодного и горячего водоснабжения, душа или ванны и круглогодичного отопления.

Так что благоустроенного жилья на душу населения в России около 22 кв. м в сравнении с 45 кв. м – в странах ЕС, 71 кв. м – в США и 41 кв. м – в Китае.

У нас миллионы людей живут не в квартирах, а в комнатах.

И у нас очень большая дифференциация жилья с точки зрения его обеспеченности – даже больше, чем по доходам, если посчитать по коэффициенту неравенства.

Вопиющее неравенство наблюдается в доступности образования и здравоохранения между бедными и богатыми.

Эти сферы все более становятся платными.

В СССР положение было намного лучше.

Вот эти вопросы, мне кажется, не получили сегодня достаточного обсуждения.

Может быть, стоит рассмотреть их отдельно.

Потому что это ключевые хронические недостатки, без преодоления которых мы не сможем по-настоящему встать на ноги и стать передовой страной.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вот поэтому, когда Михаил Федорович делал доклад и сказал, что 31% населения имели дачи в советский период, я спросил: «А были ли в этих дачах туалеты?»

к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Епихина Ю.Б.: К теме среднего класса.

Сейчас очень модное направление – перекалфицировать практики и стиль жизни советских людей.

Поэтому вопрос про туалеты как раз вписывается в понимание советского стиля жизни как экологически правильного.

То есть это те практики, которые свойственны среднему классу.

Тосунян Г.А.: И санитарно правильного?

Епихина Ю.Б.: Нет, экологически правильного, то есть внутреннего замкнутого цикла с полной переработкой всего.

Тосунян Г.А.: Да. Абел Гезевич очень часто затрагивает эту тему, справедливо утверждая, что «это не жилье, а бараки».

Поэтому бараки и жилье все-таки надо различать.

К сожалению, само жилье в регионах в большинстве своем все еще остается на уровне бараков, в которых нет теплой воды, ванн, душевых.

ЯРОСЛАВЦЕВА Е.И.

к. филос. н.

Мне кажется, что те вопросы, которые мы сегодня обсуждали как специальные, хорошо известны тем, кто получил максимально полное образование, специалистам разных наук.

Они способны оценить эти вопросы критически, рассмотрев с разных сторон, но информационно-рекламное заужение этого знания делает его слишком камерным, не вызывает доверия.

А по большому счету, мы могли бы объединить свои усилия в практическом плане.

В дополнение к тому, что было сказано относительно номадизма и рассмотрения проблемы сквозь призму сетевого пространства.

Надо отметить, что для решения этих задач очевидным образом прикладываются значительные усилия, увеличивающие трафик, различные формы перемещений, связанных с осознанными познавательными путешествиями.

И подобная тенденция давно демонстрируется в информационном поле – как на ТВ, так и в сети, в блогерской сфере.

Однако я не увидела в представленных социологических исследованиях, выделяется этот фактор или нет.

Он, конечно, может по сравнению с другими странами быть просто мизерным, особенно с учетом широты российских пространств.

Но при этом кажущиеся минусы обнаруживают скорее потенциал, чем недостатки.

Это ресурсоемкий объект – как по территории, разнообразию культур, так и по интеллектуальному обогащению и населения в целом, и каждого человека в отдельности.

Важно посмотреть на имеющееся расстояние как на общесоциальное культурное взаимодействие, которое позволяет пуститься в путь, сохраняя человекомерный ритм.

Не с головокружительной скоростью, а в режиме доступного наблюдения за изменениями как в природе, так и в себе, знакомства с другими людьми, их деятельностью – чтобы двигаться несуетно, но с возможным комфортом.

При этом важно иметь возможность издалека наблюдать за сохранностью оставленного жилья, за благополучием домочадцев, которые не смогли отправиться в путешествие.

Здесь, безусловно, нужны изменения.

Сегодня многие просто не могут позволить себе переместиться дальше дачи или хотя бы поехать на какие-то экскурсии, чтобы получить небольшой отдых, переключиться на разнообразие мира.

Постоянно приходится выбирать, чему отдать предпочтение в свободное время, которого часто не хватает, поскольку оно тратится на повышение дохода, защищенности в кризисных ситуациях.

Понижение рисков

Принципиально важно, что, как мне кажется, сейчас формируется определенная компенсаторная потребность, связанная с формированием доверия к возможности благоприятного передвижения, защищенности в пути.

Это еще не выход за привычные границы.

Важно помнить, что при пандемии многие месяцами не выходили на улицу, и простое посещение магазина было похоже для них на экскурсию.

Перестройка населения на прогулки в парках, особенно в тех регионах, где вопросу озеленения,

экологического благоустройства уделяется серьезное внимание, благоприятно.

Но нельзя не заметить, что доверие к преобразованиям в создаваемых для населения рекреационных зонах неустойчиво.

Серьезным риском на пешеходных площадках стал электротранспорт: пользователям не хватает тех мест, которые также специально созданы.

Здесь проявляется полное отсутствие управленческой культуры, учитывающей взаимоотношения людей, которые передвигаются пешком, и тех, которые любят скорость, особенно там, где есть возможность показать свою ловкость и смелость.

Это сильно понижает доверие к производимым обновлениям.

Не случайно многие потенциальные путешественники хотят увидеть, как реально выглядит объект их интереса, поскольку картинка, какой бы она ни была красивой и сотворенной ChatGPT, уже мало кого удовлетворяет.

Эта потребность из развлечения превратилась в серьезный запрос на уточнение характеристик природной среды, мест, по которым предстоит передвигаться, познавать их, показывая детям.

Возможно, что в потенциале желаний – ненадолго переехать подальше, пожить немного на новом месте, вникнуть как в культуру, так и в природу.

Может быть, эта потребность определяется бескрайними пространствами России и связана с необходимостью адаптации к новой среде, чтобы освоиться и закрепить в памяти ее особенности, сформировать интерес.

Ведь приходится не в соседний район поехать, а в другой климат.

К примеру, сейчас очень многие позволяют себе путешествия на Север.

Но, чтобы поехать туда, надо быть готовым к серьезным перестройкам.

Фактически эту экскурсию можно понять как экспериментальную поездку, испытание себя на прочность.

И этот потенциал заложен внутри человека.

«Охота к перемене мест» часто воплощается в выборе профессии, в готовности к рискам, к высоким спортивным достижениям.

Однако не всякий человек имеет для этого свободные ресурсы.

У многих зарплаты вообще ни на что не хватает, а если существует необходимость поправлять свое здоровье, то ни на какие другие потребности ничего выделить невозможно.

В этих случаях планирование путешествий и передвижений оказывается, скорее всего, верованием в путешествие, нежели частью планов, которые можно когда-нибудь реализовать.

И было бы хорошо, если бы кто-то брал на себя устойчивую поддержку в создании рекреационных зон, помогал таким путешественникам осуществить мечту.

Таким образом, здесь поднятые вопросы стекаются в один.

Он связан не просто с какими-то статичными состояниями, как бы их много ни было в изучении, а с динамикой, которая касается лично человека.

И в этом смысле мы обращаемся к усилиям человека, который мотивирован на реализацию своего потенциала.

Если у него хотя бы есть желание, потребность поехать, посмотреть, чуть-чуть там пожить, то, опираясь на возможности цифрового технологического подхода, это можно было бы осуществить.

Существуют некоторые аудиовизуальные ресурсы, позволяющие начать путешествие заранее, чтобы сам человек мог уже сформировать запросы.

Главное, чтобы организаторы тренировались предугадывать возможные когнитивные потребности путешественников.

Возможно, человеку не хватает звучания водопада, степного воздуха, насыщенной птичьим щебетом лесной опушки.

Как ни странно, человек слышит ухом не только те звуки, которые приносит воздушная волна, но и те, которые проникают в тело через костную ткань. Нервная система человека собирает эти частоты на одну «звуковую панель» – улитку, расположенную в ухе. В результате создается своеобразная «интерференционная картина», которую человек не видит глазами, но слышит всем телом!

Это аппаратная методика «Рулисен», которая является современным вариантом аналоговой технологии А. Томатиса, которой уже более 100 лет. Она опирается на природный феномен естественной костно-воздушной проводимости, зарекомендовавшей себя и в деле изучения иностранных языков, и в построении межиндивидуальной коммуникации¹⁶.

Она позволяет услышать звуковые частоты иного языка без избыточного раздражения на его особенные проявления, помогает сохранить доверие в общении.

Нахождение в новом пространстве – это перенастройка реакций восприятия для всего организма.

Здесь не только слышание, что мы стойко ассоциируем с ухом, но еще и сбалансированность вертикального положения в среде, и ряд других состояний.

¹⁶ [RuListen® – эволюция метода А. Томатиса.](#)

В принципе, при путешествии, соразмерном возможностям человека, происходит психофизиологическая региональная и экологическая адаптация к тому месту, где он находится.

К ней надо прислушаться, внять ее особенностям на уровне ощущений, и тогда ее можно было бы считать уже элементом познания.

Видеть и слышать окружающую среду, находясь в ней не урывками, а хотя бы сутки, позволяет одновременно «зрить» (видеть) и «зреть» (созревать). То есть осуществляются разные функции, имеющие основу в одном корне, что уже в своей онтологии является качественным событием, обогащающим человека.

И это позволяет человеку опираться и потом уверенно перемещаться для того, чтобы уже самостоятельно решать какие-то свои задачи, поддерживая других.

Мне кажется, комплекс вопросов, который поднят сегодня на нашей встрече, очень гармоничный и в то же время проблемный.

Наверное, эту информацию надо бы распространять шире.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо, коллеги.

С вашего разрешения будем завершать.

У докладчиков есть возможность для заключительного слова.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр.

Уважаемые коллеги, преимущество просвещенного сообщества состоит в том, что оно все замечает, все видит и все слышит.

То, что вы проговорили скороговоркой или упустили, сразу становится предметом обсуждения.

Люди видят лакуны в ваших рассуждениях и сразу задают вопросы, на которые надо отвечать.

Но для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, надо развернуть доклад за пределы 20 минут – по крайней мере, на 20 дней.

Кратко отвечу на некоторые вопросы по нашей тематике, которые мне показались значимыми.

Во-первых, мне хотелось бы ответить на вопрос о неравенстве.

Неравенство – это одна из серьезнейших проблем современного российского общества.

Данные исследований, которые часто цитируются, не совсем убедительны и не во всем надежны.

Французский экономист Томас Пикетти провел собственное исследование. Получив доступ к базам данных налоговых инспекций и другим ведомственным данным, он пришел к выводу о том, что коэффициент Джинни в России равен не 0,40, а 0,59.

Дело в том, что результаты опросов тиражируют данные, относящиеся прежде всего к мало- и среднеобеспеченным слоям населения, а данные налогообложения охватывают все слои населения.

Если коэффициент Джинни приближается к 0,6, то надо признать, что уровень неравенства у нас выше, чем в большинстве стран мира.

Схожий уровень неравенства зафиксирован в Китае и США.

Столь высокий уровень неравенства создает в обществах атмосферу нестабильности, разрушает основания для сплоченности, коллективного социального действия.

Как уже говорилось выше, на фоне неравенства в крайних формах растет количество тяжких преступлений: убийств, ограблений.

Роберт Искандрович справедливо заметил, что Москва и Санкт-Петербург у нас выделяются.

Оба города постепенно «отплывают» от остальной России, разрыв между ними и остальной Россией увеличивается.

Значимую роль в том, что касается распределения доходов и неравенства, играет тип города, географический фактор.

Соединяясь с квалификационным фактором, он формирует социально неоднородную среду.

Высокий уровень неравенства определяется суммарно как региональной спецификой, так и квалификационными различиями.

Это для нашего общества печальная ситуация.

Серьезных подвижек в сторону равенства пока не видно, хотя, как было сказано выше, в условиях СВО деньги пошли в регионы.

Что же будет дальше?

Это вопрос, на который, на мой взгляд, пока нет ответа.

Я знаю исследование Людмилы Александровны Беляевой.

Это добротный проект, который идет долгие годы.

Знаю и внимательно изучал публикации, которые Людмила Александровна делала по проблематике среднего класса.

Однако с определением среднего класса в этих проектах, я согласен частично, не полностью.

Дело в том, что у нас люди часто работают не по профилю базового образования.

Получают, к примеру, образование врача, а потом уходят в иную область.

Все ли юристы по образованию работают по специальности?

Мы проводили отдельное исследование по этой теме.

Где только мы не находили дипломированных юристов. Магистры руководят складами, делают ремонты, строят дома.

Образование – это такая зыбкая категория, не менее зыбкая, чем категория самоидентификации.

Перемножая две неопределенности, мы получаем, по законам математики, еще большую неопределенность.

Не то что я хотел бы бросить тень на данные упомянутых проектов. Я лишь хочу подчеркнуть, что любые данные, любые результаты должны пройти фильтр критической оценки.

Желательно обсуждать их и сравнивать с результатами других исследований.

Важный вопрос – это групповое сознание среднего класса.

Если мы сейчас поднимем эту тему, то упрямся во временные границы нашего обсуждения.

У этой темы есть собственные теоретические основания, свои подходы и накопленная информация.

Если дадим волю фантазии, то придумаем множество показателей, которые хотя и любопытны, но не помогают вникнуть в существо вопроса.

Вот люди, которые любят гулять по паркам, отнесем их к среднему классу, и пусть это будет наше его определение.

В науке все-таки важно находиться в рамках сложившейся парадигмы, подходить к выбору показателей избирательно, соответственно поставленным в исследовании задачам.

Что такое групповое сознание среднего класса?

Справедливо было сказано, что эта группа – гетерогенная, состоящая из разных слоев.

Но есть и то, что этих людей объединяет, например, меритократическая логика.

Средний класс, по крайней мере, его большинство, ценит достижения, личный успех, который достигается посредством получения образования, высокой квалификации.

Индивидуализм – это тоже одна из характеристик среднего класса.

Это если говорить кратко.

Кроме того, среднему классу свойственна вера в сильное государство.

В этой группе присутствует весомая доля специалистов, которые работают на государство и, соответственно, заинтересованы в том, чтобы оно держалось своих бюджетных обязательств.

Одной из таких групп являются чиновники.

По утверждению французских коллег, 60% французского среднего класса так или иначе аффилированы с государством и его проектами.

Я очень уважаю работу наших коллег-экономистов, Андрея Николаевича, Вячеслава Николаевича.

Они говорят о важных вещах.

Математические, статистические вычисления могут пролить свет на многие аспекты изучаемой нами темы.

Невозможно отрицать, что устойчивость домохозяйства – это его ключевая социальная характеристика, объясняющая в том числе и те паттерны репродуктивного поведения, которые утвердились в нашем обществе.

Не только количественные, но и качественные основания жизни помогают понять, как средний класс воспроизводит себя, в каких направлениях он развивается.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Юлия Борисовна, Вам слово.

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н.

Я буду очень краткой.

Хочу поблагодарить за возможность выступить с докладом, поделиться результатами нашего исследования и за все те вопросы, которые были заданы.

Они открывают новую перспективу продолжения анализа тех данных, в том числе и по верованиям, с которыми мы работаем.

В чате были заданы вопросы по поводу верований среднего класса, его религиозного сознания.

Я таких работ не знаю, но думаю, что это тоже очень перспективная тема, которой можно было бы заняться и проанализировать на данных нашего исследования.

Спасибо еще раз.

Коллеги, присоединяюсь к огромной благодарности за продуктивную дискуссию.

На меня произвел большое впечатление высокий уровень как вопросов, так и в целом рассуждений.

Дискуссия, на мой взгляд, в очередной раз показала, насколько при анализе скрытого, латентного влияния различных социальных институтов важен комплексный подход к рассмотрению вопросов социальной дифференциации. Тем более когда мы связываем их с неравенством, мобильностью, идентификационными критериями.

Это показали в том числе и вопросы в чате.

Именно поэтому в нашем проекте была попытка выйти за пределы сухих макропоказателей.

И это как раз то, что отличает наши социологические проекты от статистических сводок.

Я очень надеюсь, что симбиоз и использование различных источников данных и в дальнейшем будут помогать нам объяснять различные социальные явления.

Большое спасибо.

Тосуния Г.А.: Спасибо.

Абдусалам Абдулкеримович, тема Вашей докторской диссертации – «Социальная природа нравственности» – достойна того, чтобы на эту тему тоже было подготовлено одно из заседаний.

Для нас важно услышать Ваше мнение о нравственности, о культуре, об их взаимодействии как важнейших элементах, цементирующих, развивающих общество и обеспечивающих его благополучие. Это все то, о чем не раз говорил Михаил Федорович.

Пожалуйста, запланируйте свое выступление, когда сочтете возможным. И содокладчиков Вы сможете подобрать по своему усмотрению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Вы обозначили предметную область, в которой хотели бы меня послушать, а вынуждаете делать заключение по всем вопросам, в том числе по социологии.

Сегодня у нас действительно был своего рода социологический форум.

И развивался этот форум, я бы сказал, по модели то ли защиты докторской, то ли научной конференции.

Это было очень интересно.

Большая благодарность всем докладчикам. Прежде всего – Михаилу Федоровичу, который задал общее направление.

Социология – особая и очень важная область.

И сегодняшнее обсуждение дает нам представление об этой области знания, ее возможностях и особенностях, ее актуальности.

Это такая профессиональная, специальная область.

Конечно, здесь я могу, как, впрочем, может быть, и другие участники нашего обсуждения, только высказать какое-то мнение, которое можно считать дилетантским.

У меня на самом деле два замечания.

Одно частное. Это касается исходной установки, о которой вскользь сказал Михаил Федорович.

Речь о том, что марксистская теория общества не позволяла в рамках своего понимания классовой структуры общества исследовать средний класс.

Если говорить об основных направлениях исследования, конечно, это так.

Но тем не менее в рамках именно марксистского взгляда на общество были такие попытки.

Причем попытки существенные.

Понятие середняка имело очень большое значение в учении о крестьянстве.

Деление на кулака, середняка, бедняка было большой концепцией, которая задавала определенную политическую линию.

Даже понятие пролетариата тоже уточнялось.

Скажем, было какое-то понятие рабочей аристократии.

Даже внутри пролетариата выделялся некий сегмент, который, можно сказать, приближался к этому пониманию среднего класса.

То есть само понимание класса и связь понятия класса с формой собственности – это, мне кажется, не исключает возможности выделения среднего класса.

Но правда состоит в том, что понятие среднего класса, так как оно сложилось в современной социологии, исходит из совершенно другого понимания социальной структуры общества.

И оно исходит из другого понимания класса, совсем не марксистского, где класс рассматривается как определенная социологически значимая группа.

В данном случае средний класс – это тоже группа экономическая.

И здесь общая идея о том, что экономика является базой и основой развития общества, в целом остается.

Только сама эта экономика рассматривается именно как доход, как финансы, как благополучие.

То есть рассматривается именно не с точки зрения собственности, а с точки зрения потребления.

И в этом смысле это, конечно, другой взгляд.

И этот взгляд, эта правда позволяет уже рассматривать средний класс не только как экономическую категорию, а как категорию, которая охватывает вообще все население, если брать, скажем, уровень доходов, степень благополучия.

Если это так, тогда экономический критерий, взятый в этом аспекте, распространяется на все общество, как если бы все общество и все формы организации людей были бы простым отражением, рефлексамии именно этого основного признака.

Но ведь на самом деле это не так.

И как раз Михаил Федорович в своем заключительном слове это ясно выразил.

Средний класс имеет свое отражение в установках сознания, то есть ему свойственно особое сознание.

А если ему свойственно особое сознание, наверное, свойственна и особая политика.

Тогда правильно будет поставить вопрос о том, какова эта политика и какие формы политической организации общества являются более адекватными именно для среднего класса, с точки зрения среднего класса.

И только при таком рассмотрении, с учетом всего богатства общественной жизни, можно рассматривать понятие среднего класса с включением туда всех профессиональных групп современного общества.

Мне кажется, что сама постановка вопроса о среднем классе общества – очень хорошая и удачная.

Но если идти по логике, которая выражена в этом понятии и в этом обозначении, то это и предполагает, что надо рассматривать общество с учетом его различных качественных характеристик: политики, сознания, искусства, традиций и так далее.

И уже с этой синтезирующей (интегральной) точки зрения развертывать понятие среднего класса.

А если так, то нельзя ограничивать набор признаков и определять средний класс, исходя только из доходов.

У меня сложилось впечатление, что социология воспринимается сегодня в общественном сознании как прикладная, а не фундаментальная наука.

Будто она – не о законах, а о технологиях.

Это особенно хорошо видно сегодня в наших публичных дискуссиях о демографии, когда ее проблемы сводятся к методам стимулирования рождения.

Надо, мне кажется, ясно поставить вопрос: социология – это наука об обществе, способ познания или это способы управления?

Тосунян Г.А.: И то и другое.

Гусейнов А.А.: Да. Если, или даже лучше сказать, именно потому, что это и то и другое, надо ясно определиться в этом вопросе с приоритетами.

А именно, идем ли мы от знаний к механизмам управления или от потребностей управления формируем канон знания.

На самом деле социология, исходя из тех пониманий, которыми руководствуются наши докладчики, является наукой, определенной формой познания, которая

имеет свои методы, методики, своих классиков, свои школы и так далее.

Она даже претендует на то, чтобы являться одной из наиболее продвинутых среди общественных наук.

А с другой стороны, социология воспринимается обществом, в том числе даже многими из нас, как некий измерительный инструмент, позволяющий государству правильно управлять, а обществу – выстраивать способы своей жизни.

Складывается впечатление, что от социологии ждут такого взгляда на общество, который можно выразить в достаточно точно измеряемых параметрах, дающих более или менее истинное представление о состоянии общества в целом.

А возможно ли это? И правомерно ли социологии претендовать на это, а обществу ждать от него этого?

Ведь социология имеет своим предметом жизнь общества, больших масс людей.

Это жизнь и действия отдельных личностей или малых групп.

Хотя и существуют социология личности, малых групп, но это особый предмет.

Собственный предмет социологии связан с изучением способов организации жизни людей, которые носят массовый характер, эмпирические результаты которых имеют усредненную и вероятностную природу и научно могут быть обобщены только в закономерных формах.

И для социологии, конечно, очень важно задать такие критерии, которые могут охватить общество или ту или иную сторону общества, чтобы это можно было точно зафиксировать, измерить, сравнить.

Тогда социология моделирует общество таким образом, чтобы она могла изучить и познать его.

Но, когда она свою выработанную модель запускает в жизнь и дает нам определенную картину общества, восприятие уже меняется.

То есть та модель, которая была сконструирована социологией для того, чтобы познать общество, потом выдается и воспринимается как реальная картина самого общества.

И получается, что социология, познавая общество, вместе с тем создает иллюзию, что речь идет именно о реальной онтологии этого общества.

И о том, что эти социологические выводы можно было бы запускать в дело.

Так, как если бы сама социология уже была средством управления.

Мне кажется, здесь есть какое-то смешение.

С одной стороны, в понимании социологии как науки, а с другой – в восприятии социологии общественным сознанием.

В таком восприятии социологические выводы и констатации уже сами по себе оказываются какими-то оценками, суждениями, обязывающими выводами.

По крайней мере, я чувствую, что здесь есть проблема, над которой надо думать.

И, как показывает сегодняшнее обсуждение, некоторые вопросы, отдельные критические замечания, какие-то дополнительные реплики возникают именно из смешения этих двух аспектов.

Социология говорит о том, что имеет место на самом деле, но не о том, что надо делать.

Что надо делать – это уже второй вопрос, при решении которого данные социологии имеют очень большое значение, может быть, даже первостепенное.

Но сами по себе они явно недостаточны.

Они требуют какого-то дополнительного анализа, обработки, превращения в политическое действие, в управленческое решение и тому подобного.

Их так же недостаточно, как, например, знания природы электричества недостаточно для электрификации общества.

Это мое замечание, может быть, не очевидно, но оно не надумано.

Еще раз огромное спасибо нашим докладчикам за интересный и стимулирующий разговор.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.

Коллеги, заключительного слова я уже говорить не буду.

Хочу только поблагодарить всех, потому что дискуссия получилась интересной, было много комментариев, мы слышали различные мнения и суждения.

Тема настолько захватывающая, что хочется все время находиться в полемике.

Но не будем затягивать наше обсуждение до бесконечности, мы заседаем уже почти пять часов.

Всем огромное спасибо. Всем здоровья!

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП
и «Открытых дискуссий» президента АРБ**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.

8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «особый». 2023-й – риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.

16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023). Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.

24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмена, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.

33. 2023-й – итоги. 2024-й – перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. В.И. Вернадский и его наследие (20.01.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 175 с.
35. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
36. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
37. Проблема общечеловеческих ценностей. Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
39. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.
40. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
41. БРИКС: платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.

42. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.
43. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
44. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.
45. Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (19.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.
46. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
47. Наука и власть (05.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 206 с.
48. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.
49. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.
50. Конкуренция на финансовом рынке (30.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 133 с.

51. Роль институтов в развитии общества (14.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с.
52. Инфляция у каждого своя: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (17.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 108 с.
53. Завершился 2024 год. Что дальше? (31.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 97 с.
54. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.
55. Цивилизационные основы России (часть 2): Качество жизни. Равноправие женщин и мужчин. Русское крестьянство (01.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.
56. Коррупция в Китае (22.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 143 с.
57. Религия и общество (05.04.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 164 с.
58. Многополярный мир: Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние на него новой администрации США (31.05.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 167 с.

59. Производительность труда в России и мире (21.06.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 207 с.
60. Когнитивная безопасность (12.07.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 144 с.
61. Институты развития. Их роль в экономике (26.07.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 181 с.
62. Редактирование генома (25.10.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Социальная структура и дифференциация российского общества

Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
16 августа 2025 года

Презентации докладчиков
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 31.08.2026
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 98

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института – многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.